

Евгения
Батурина

Выход А

Мне всегда хотелось, чтобы у нас был свой «Секс в большом городе», и вот он появился — умный, живой, не назидательный. Сначала Женя хотела назвать книгу «Однажды мы над этим посмеется», так вот — смеется уже сейчас!

Катя Болотовская,
«Добрые советы»

НЕСЕРЬЕЗНЫЙ
РОМАН

ИНТЕРЕСНОЕ ВРЕМЯ

Евгения Анатольевна Батурина

Выход А

Серия «Интересное время»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55595806

Евгения Анатольевна Батурина. Выход А : несерьезный роман: Время;

Москва; 2020

ISBN 9785969120013

Аннотация

Если тебе скоро тридцать, тебя уволили, муж завел любовницу, подруги бросили, квартиры нет, а из привычного в жизни остался только шестилетний ребенок, это очень смешно. Особенно если тебя еще и зовут Антонина Козлюк. Да, будет непросто и придется все время что-то искать – жилье, работу, друзей, поводы для радости и хоть какой-то смысл происходящего. Зато ты научишься делать выбор, давать шансы, быть матерью, жить по совести, принимать людей такими, какие они есть, и не ждать хэппи-энда. Дебютная книга журналиста Евгении Батуриной – это роман-взросление, в котором есть все: добрый юмор, герои, с которыми хочется дружить, строптивый попугай, честный финал и, что уж совсем необходимо, надежда.

Содержание

Информация от издательства	4
* * *	6
Часть первая	7
1. Венчик творения	7
2. В пункт Б	13
3. Бук-учет	20
4. Кузькина мать	27
5. Мир, труд, Майка	35
6. Выход А	41
7. Сени мои, Сени	47
Часть вторая	54
1. Князь Балконский	54
2. Нехорошая квартира	57
3. Перевод продукта	73
4. Плохие Гены	81
5. Родственные уши	90
6. Мама-анархия	103
7. Серые будни	109
8. Дарьина роща	116
9. Нам крышка	125
10. Деточка на шаре	132
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Евгения Батурина. Выход А

Информация от издательства

Художественное электронное издание

Художник

Валерий Калныныи

Батурина, Е. А.

Выход А: несерьезный роман / Евгения Анатольевна Батурина. – М.: Время, 2020. – (Интересное время).

ISBN 979-5-9691-2001-3

Если тебе скоро тридцать, тебя уволили, муж завел любовницу, подруги бросили, квартиры нет, а из привычного в жизни остался только шестилетний ребенок, это очень смешно. Особенно если тебя еще и зовут Антонина Козлюк. Да, будет непросто и придется все время что-то искать – жилье, работу, друзей, поводы для радости и хоть какой-то смысл происходящего. Зато ты научишься делать выбор, давать шансы, быть матерью, жить по совести, принимать людей такими, какие они есть, и не ждать хэппи-энда. Дебютная книга журналиста Евгении Батуриной – это роман-взросление, в котором есть все: добрый юмор, герои, с которыми хочется дружить, строптивый попугай, честный финал и, что

уж совсем необходимо, надежда.

© Е. А. Батурина, 2020

© «Время», 2020

Меня зовут Антонина Козлюк, и это еще не все.

Мне завтра тридцать. Сегодня на мне розовый чепчик и розовые трусы поверх вечернего платья, и я выпрашиваю деньги у людей на остановке. Дома меня ждут двое детей, попугай-диссидент, кролик с суицидальными наклонностями, дуэт из одиннадцати человек и добрый пожилой серб.

У меня нет работы, у мужа есть любовница, у любовника – жена, мои друзья разъехались по миру, сестра-лесбиянка полюбила мужчину, мать выходит замуж, отец неизвестно кто.

Рассказать, как так получилось?

Часть первая

1. Венчик творения

Когда мне исполнилось двадцать девять, жизнь была другой. Например, мне было куда проще заполнять анкеты.

Семейное положение: замужем.

Место работы: журнал Notebook, главный редактор.

Наличие братьев и сестер: нет.

Наличие суицидально настроенных кроликов: нет.

Двадцать девятый день рождения я отметила с сыном Кузей в маленьком итальянском кафе возле дома, в Перово. Мой муж Вениамин тоже собирался приехать, но сначала задержался на работе, потом в пробке на МКАД, потом в пробке на шоссе Энтузиастов. К ночи у него разрядился телефон, и мы наконец перестали созваниваться.

В принципе, я вообще не собиралась отмечать день рождения. Двадцать девять – это еще не тридцать. Но была моя очередь забирать Кузю из сада, а кафе было красивое, с огоньками и с анимацией для детей (тетя-клоун кокетливо представилась Ириской и увлекла ребенка в подвальное помещение – анимировать). Я заказала вино и пиццу и села отвечать на поздравления. Для взрослых в кафе тоже была предусмотрена анимация – бесплатный вайфай. Раз сто со-

общив фейсбуку, что Antonina Kozlyuk это понравилось, и поблагодарив каждого доброго человека, я отложила телефон. То ли вино начало действовать, то ли друзья в фейсбуке перехвалили Antonina, но вдруг почудилось, будто все у меня в жизни отлично. Двадцать девять – это еще не тридцать. Работа нервная, но любимая. Ребенок уже большой, умный и даже остроумный (тут я привычно почувствовала себя плохой матерью – ребенок шел в списке после работы). Есть мама, у которой я в списке первая. Есть друзья, и не только в соцсетях. Где-то есть муж. В кафе рядом с домом пекут пиццу, похожую на итальянскую, а это, как говорил Довлатов, уже излишество... Я снова взяла телефон и отправила одинаковые сообщения двум лучшим подругам: «Люблю вас и счастлива!» Одна ответила: «И я тебя!!!», другая написала: «Напилась уже? Ура». «То, что они такие разные, тоже счастье», – подумала я.

Так вот, мудрость от Антонины: если вам кажется, что все отлично, значит, где-то собираются тучи, и собираются они к вам.

На следующее утро я застала мужа Вениамина на кухне. Он был одет на выход и допивал кофе.

– Сегодня же суббота, – предположила я.

– Да вообще охренели, – ответил Вениамин тоном человека, которого хронически ущемляют в правах. – У них сервак слетел, а во вторник конференция в Саратове, вызвали

в офис.

Вениамин – системный администратор. Наверное, очень хороший: у него на работе всегда что-нибудь ломается. Он приезжает, чинит, а сотрудники падают к его ногам и рукоплещут. Иногда Вениамин консультирует глупых девочек-секретарш по телефону: «Слышь, сейчас ты будешь делать все так, как я скажу. Нажми кнопку “пуск”, знаешь, где это?» Удивительно, но девочки-секретарши никак не выучат кнопку «пуск». В последнее время начальники стали брать Вениамина с собой в командировки – потому что офисные ноутбуки не могут без своего повелителя, вдали от него делают системное хакакири и уничтожают важные презентации.

В общем, Вениамин уехал на работу, а я залила кипятком пакетик чая и открыла свой ноутбук. Замигало сообщение из скайпа. Я кликнула на него.

«Я такая тепленькая в постельке!!! Где мой любимый Венчик???» – сказала мне KateriNAN. Что за КатериНАХ?

Я закрыла крышку ноутбука. Удостоверилась, что он мой. Вениамин в последнее время часто работал и играл на нем, потому что его компьютер сломался месяц назад – для системных администраторов это норма. Я снова открыла ноутбук и быстро, будто от этого зависела чья-то жизнь, отключила скайп.

Я не хотела читать чужих писем. И села читать чужие беседы в «Одноклассниках». Вениамин не пользовался фейсбуком – говорил, что там неудобная навигация. Я подобра-

ла пароль (дата рождения Венчика, конечно) и вскоре нашла переписку с Катериной «Котик» Х., 115 лет, Милуоки. Я вспомнила, что до меня у моего мужа была некая Катя, которая оказалась жестокой – тайно нашла жениха в Америке и уехала туда, цинично прихватив Вениаминов чемодан.

Оказалось, инициатором встречи «одноклассников» стала дама. Переписка поражала живостью и романтичностью:

Катерина «Котик» Х.: Привет!!! Помнишь меня???

Вениамин Верховцев: привет ну ты и разжжирела на американских харчах...

Катерина «Котик» Х.: Хахахахахаха!!! Как ты живешь??? Счастлив ли в браке???

Я так и не узнала, счастлив ли мой муж в браке, потому что остаток переписки Вениамин Верховцев удалил. Я немного полюбовалась фотографиями Котика. Запомнился кадр у клетки со львами за подписью «Львы и львица!!!».

Я сидела на кухне, будто в невесомости. Пыталась нащупать горе внутри себя. Оно не прощупывалось. Похоже, я была абсолютно здорова, разве что с небольшой контузией от скайпа.

Оказалось, я все давно знала, но отчего-то игнорировала это знание. Системные администраторы не ездят в командировки по три раза в месяц. И пробок в Москве все-таки не столько, чтобы стоять в них по пять часов каждый день. Да и загадочный Коля, который сначала звонил моему мужу с американского номера, а недавно стал звонить с обычного

«Билайна», тоже не был таким уж загадочным. Ради разговоров с колями не закрывают дверь балкона и не понижают голос. Катерина Х. разошлась с американским женихом и вернулась в Москву. А Вениамин снова завел себе Котика.

Я сидела, пила чай и пыталась заглушить в себе радость. Ужасалась этой радости, уговаривала себя: семь лет брака, Антонина, очнись! А радость росла и требовала выхода.

На пороге кухни появился заспанный Кузя в пижаме с черепами. По утрам он обычно не в духе, как и я. Глаза узкие, волосы торчат щеткой, говорит басом.

– Ну и что ты тут воешь? – спросил ребенок.

Я? Вою? Н-да, похоже, обманутая жена так извелась от горя, что натурально запела.

– Ничего я не вою. Чай просто пью.

– Из моей кружки? – Кузя влез ко мне на колени. В последнее время он делает это редко – только от избытка чувств или от нехватки сил по утрам.

– Конечно, из твоей! – Ребенок подарил мне кружку с зайцем на день рождения. – Кашу будешь на завтрак?

– Конечно нет, – фыркнул Кузя.

– Ясно. Может, поедем тогда к бабушке?

– Давай. А папа где?

– Папу вызвали на работу.

– Хм, – Кузя хмыкнул так, будто это он прочитал сообщение в скайпе про «тепленькую» Катерину Х.

Но он его, конечно, не читал. Так что мы просто собрались

и поехали в Белогорск.

2. В пункт Б

– Кто? – спросил мамин голос из домофона.

– Твоя дочь и твой внук, – проинформировала я, наклонившись к микрофону вплотную. Я прямо чувствовала запах железных кнопок.

– Ой, – всполошилась мама. – Вы что, в Белогорске?!

– Угадала! – поздравила я ее. – Тебе полагается суперприз.

Да, мы в городе моего детства. Два часа на электричке с Курского вокзала, пятнадцать минут пешком от станции по сугробам – и вот мы топчемся у железной двери, мерзнем и пытаемся попасть на второй этаж, в родовое гнездо.

Я могла бы родиться в Ленинграде, а родилась в Белогорске. Очень мило с маминой стороны. В Белогорске, конечно же, нет ни одной горы и все в основном серое. Его старое название – Хряпино. Находится он в тридевятом Подмосковье, на границе с соседней областью. Население преимущественно состоит из пенсионеров. Бабушки сидят на лавочках и провожают вас взглядом. Дедушки встают в четыре утра и едут на рыбалку – подальше от бабушек. В центре города, на площади, – памятник Ленину с перманентно отсутствующей буквой Н. Все так и называют его: памятник лени. Около него – покосившийся магазин «Бомонд»: здесь все соответ-

ствует своему названию. Говорят, скоро вместо «Бомонда» откроют «Пятерочку», но пока это всего лишь светские слухи. Школы в Белогорске две – у пенсионеров обычно взрослые дети. Зато есть дом быта, Дом культуры и парк с живописным оврагом.

Моя мама двадцать девять лет назад родила меня в Белогорске и вскоре уехала в Ленинград, учиться в университете и преподавать там литературу. Я осталась с бабушкой Аней, Анной Петровной Яворской, а мама нас часто навещала. Бабушка Аня была единственной нормальной бабушкой во всем городе. Она не сидела на лавочке, никого не обсуждала и вообще была вечно занята. Казалось, что вся энергия Белогорска сосредоточена в ней. К нам в дом постоянно шли люди, у которых случались разного рода мелкие беды: не с кем оставить ребенка, не засаливаются огурцы, не хватает до зарплаты. Бабушка могла схватить меня маленькую подмышку и отправиться к маме в Ленинград – через Москву. А в Москве забежать в гости к своему старшему сыну дяде Вите, отдать его женам и детям чемодан подарков, испечь им пирог, выгулять их собак, а потом еще встретиться в кафе на вокзале с подружками детства. Я тоже считала бабушку Аню подругой своего детства. Нам всегда было интересно вдвоем.

Когда бабушка умерла, мне было четырнадцать лет. Вернулась из школы, а ее нет. Увезли на скорой и не довезли – хотя, казалось бы, какие такие расстояния в Белогорске... Я провела ночь у соседей, в одной кровати с Леркой Голико-

вой, валетом. Лерка возилась, пинала меня ногами и жаловалась, что я ей мешаю. Но я и так не могла спать – мне было стыдно перед бабушкой. Стыдно, что забыла взять бутерброды с колбасой, которые она приготовила мне в школу: они теперь одиноко пропадали в холодильнике. Стыдно, что не обратила внимания, когда она робко пожаловалась на боль в плече – это было не плечо, а сердце, но теперь уже поздно догадываться. Стыдно, что в последнее время бабушка меня раздражала: я была перманентно в кого-то влюблена и только об этом и думала. Раньше мы с ней могли проболтать ночь напролет, а в четырнадцать мне вдруг показалось, что мальчиков эффективнее обсуждать с одноклассницами, и на бабушкины вопросы я отвечала усталым тоном, чуть не закатывая глаза...

На следующий день приехала мама, и я ее не узнала. Старая такая понурая тетка. Наверное, ей тоже было за что-то стыдно, потому что она все время повторяла: «Мамочка, прости». На похоронах ей стало совсем плохо, она чужим голосом рыдала на радость белогорским сплетницам, и мне снова было стыдно, теперь уже за нее.

Мама осталась со мной. Лучше бы мы, конечно, переехали в Ленинград, тем более он стал Санкт-Петербургом, но мама этого не хотела – сказала, что хочет быть поближе к бабушке. Устроилась работать в библиотеку, набрала учеников и быстро стала лучшим репетитором Белогорска. Меня она тоже между делом готовила к поступлению – постоянно расска-

зывала о литературе все, что раньше рассказывала студентам. Мои белогорские будни скрашивала череда влюбленностей. Мама тоже без дела в этом смысле не сидела – у нее появился гражданский муж, изобретатель Валерий. Как настоящий изобретатель, он был чудаковат и пил. Правда, ничего не изобретал. Когда пил, становился агрессивен и однажды выбросил с балкона кресло. Об этом дворовые пенсионерки судачили две недели – несмотря на то что кресло в них не попало (я думаю, зря). Потом я поступила в два института, вышла за Вениамина, родила Кузю, Вениамин мне изменил, и мы с ребенком отправились в Белогорск на выходные. Создается впечатление, что мне удалось все это проделать быстрее, чем Валерию выкинуть кресло из окна, но нет: просто историю нашей с Вениамином любви лучше рассказывать отдельно и не сразу после прерванной сессии с Катериной.

Когда мама наконец открыла нам с Кузей дверь и мы поднялись в квартиру, там пахло пирогом – почти бабушкиным, с лимоном. А у мамы был такой подозрительный вид, будто в квартире засел опасный преступник, в которого она уже успела опрометчиво влюбиться.

– Мы что, не вовремя? – осторожно спросила я. Мало ли, может, у изобретателя Валерия тоже появилась Катерина Х. и назревает семейное объяснение, а тут мы.

– Да прекрати, что значит не вовремя! – отмахнулась ма-

ма, но сообщение левой рукой все-таки отправила. – Я вот и пирог только что поставила, будем твой день рождения отмечать!

Кузя бабушке поверил и пошел в комнату смотреть детские телеканалы. Я не поверила, но не отказываться же от пирога.

Мама у меня существо трогательное. Врать не умеет абсолютно. Когда врет, выкатывает глаза и не замечает этого. Со дня похорон бабушки у меня к ней странное отношение. Я понимаю, что она взрослая женщина с хорошим филологическим образованием и к тому же моя мать, но не могу на сто процентов воспринимать ее всерьез. Отчасти потому, что это я ее успокаивала тогда, а не она меня. Отчасти из-за того, что на свете есть изобретатель Валерий, а в квартире не хватает одного кресла. К тому же мама дает все новые поводы. Однажды она приехала ко мне и с порога возвестила: «Я привезла тебе отличные противозачаточные таблетки! Таня Зотова из тринадцатой квартиры беременна, так что ей они больше не нужны, но это очень эффективные препараты!»

В общем, я поняла, что у мамы есть какая-то тайна, и, чтобы отвлечь ее, рассказала свою.

– Ничего себе, – сказала мама. – У Веника? Женщина?

– Понимаю, ты бы предпочла, чтобы у него появился мужчина, но с системными администраторами такое редко бывает. Вилка, розетка – работает только по схеме, увы.

– Очень остроумно. Что ты будешь делать?

– Ну, у меня нет подробного плана. Но в принципе я довольна.

– Довольна? *Довольна?*

– Ага, – я и сама удивлялась тому, что говорю. – Кажется, я давно этого ждала. Ничего у нас хорошего не получилось, кроме Кузи.

– Ну да, – задумчиво произнесла мама. – Все потому, что ты не готовила.

Так, а вот этого я не ждала!

– Да-да, – продолжала мама. – Меня всегда это поражало. Он готовил еду, а ты нет.

– Мадам Молоховец, – сказала я. – Ты решила прочесть мне лекцию о здоровой пище в нездоровой семейной атмосфере? Я вообще не умею готовить. Мама не научила.

– Ерунда это, – отмахнулась она. – Готовила бы, если бы было для кого.

– Ну ладно, – склонила я голову. – Будем считать, я оказалась плохой хозяйкой, проиграла жителям деревни Виллабаджо и меня бросили.

– Тебя не бросили, тебя потеряли, – мама одарила меня взглядом, который должен означать «когда-нибудь ты поймешь меня, девочка». – Но если тебя все устраивает, я рада.

– Мам, я не могу сказать, что меня все устраивает. У Вениамина роман, у меня Кузя, работа, и я только сегодня утром узнала про Катерину Хэ.

– Ха, – сказала мама-филолог. – Катерина Ха.

– Ха-ха. Самое противное – теперь мне придется что-то решать.

Но оказалось, что мне придется заниматься совсем другими делами.

3. Бук-учет

Мы с Кузей пробыли у мамы до понедельника, он как раз оказался нерабочим. Когда вернулись домой, Вениамина еще не было. Каникулы Бонифация затягивались.

Утром во вторник мне надо было выехать на работу пораньше, потому что наш издатель Юра хотел со мной о чем-то поговорить. Я отвела мрачного Кузю в сад, по дороге рассказала ему, что на свете бывают школы со второй сменой и когда-нибудь мы такую и найдем. Воодушевленный Кузя в садовых шортах, которые сразу сбавили ему пару лет, побежал к остальным детям. Воспитательница натренированным голосом звала всех на зарядку. На скамейке спешно переодевались опаздывающие – Настя Кукина и ее папа. Папа сердился, и от этого Настя не попадала правильной ногой в колготки...

Я поехала в редакцию. До встречи с издателем Юрой я хотела посмотреть верстку сложного интервью с одним нервным актером, но на сервере ее не оказалось. Я начала звонить арт-директору, явно разбудила, попросила прислать верстку в почту, поняла по косвенным признакам («А? Сейчас поищу»), что макет еще не верстался. Разозлилась, подписала две менее сложные полосы, открыла третью, ужаснулась, позвонила фоторедактору и двум своим замам, застала всех троих в лифте по дороге в редакцию. Пока разбирались,

почему у нас в номере два одинаковых заголовка и две почти одинаковые фотографии, я пропустила четыре звонка от издателя Юры.

«Что же он от меня хочет, настойчивый наш, – думала я, спортивной ходьбой направляясь к его кабинету. – О премиях, что ли, поговорить? Что их снова не будет?»

– Садись, Антонина, хочешь кофе?

Как только Юра произнес это ласковым тоном, я поняла, что дело плохо. Юра – робот в человеческом костюме и ботинках. Прямо скажем, не эмпат, но умеет изображать сочувствие, и этим фейк-сочувствием от него разит за три тысячи миль.

– Нет, спасибо, – это я о кофе. – Ты хотел поговорить?

– Хм-хм-хм... – это Юра зашелся в притворном горе. – У нас качественный продукт.

Честное слово, я думала, он снова о кофе. Но нет, он о моем журнале.

– ...очень качественный продукт. Для имиджа издательского дома он полезен. Все эти интервью с умными людьми, грамотный русский язык, эксклюзивные фотографии, небанальный подход.

Я знала этот текст – Юра сам написал нам его для медиакита и настоял на том, чтобы мы его опубликовали.

– ...но имидж – ничто, – это Юра пошутил. – Вы не собираете рекламу. Продаетесь нормально для своего сегмента, но в данный момент для издательского дома этого недоста-

точно. Да что я говорю, ты и сама это знаешь.

Юра улыбнулся мне отечески. Как будто я вернулась с дискотеки на полчаса позже, но папочка готов меня простить.

– Но в нас не вкладывали никаких средств с самого запуска, – я попыталась. До сих пор рада, что попыталась, пусть и без толку. – Я уверена, что минимальные затраты на минимальную рекламную кампанию вскоре бы окупились. Плюс, есть спецпроекты. Рекламодатели любят наши спецпроекты, и я сама несколько штук продала, ходила по встречам...

– У вас слишком дорогие фотографии и печать дорогая!

– Давайте подумаем, как снизить затраты на нее, вместо того чтобы менять логотип в третий раз за два года.

– Мы меняли его не от хорошей жизни, Антонина!

– Да, но из-за этого читатели перестали узнавать свой журнал!

– Да, все пять ваших читателей!

– У нас вполне приличный тираж для нашего сегмента, ты сам это сказал. И я сейчас о реальных цифрах, а не о тех, что мы пишем в выходных данных.

– «Звезды и правда» сделали миллион в первые несколько выпусков!

– Ты считаешь, «Звезды и правда» тоже имиджевый проект? Наш издательский дом всегда гордился тем, что не выпускает такие журналы.

– Но миллион, Антонина. Посмотри на их заголовки!

– На какие заголовки? «Николая Баскова преследует внебрачный елот»?

– Я не говорю, что вам нужны такие же!

– Вообще-то ты только что это сказал.

И тут я поняла, что все уже решено. Без меня. Я знала, что наш журнал вряд ли когда-либо достигнет уровня «Звезд и правды». А если достигнет, то не с этой командой, да и слава богу. Мы пробовали добавить ему гламурности и чуть не потеряли лояльную аудиторию. Мы экспериментировали с выносами на обложке, самой обложкой и логотипом, и мало продвинулись. Нашему милому интеллигентному Notebook, или просто Буку, который каким-то образом выживал на энтузиазме редакции и нескольких тысяч читателей, могло помочь только чудо. Или большая рекламная кампания. Чудо на тот момент было более вероятным, и оно не произошло.

– Когда нас закрывают? – Я подумала вдруг о Катерине Х. Юре удалось то, что тебе, Катя, не под силу. Вот теперь горе шевелилось во мне и болело изо всех сил.

– Этот номер последний. Подчиненным и рекламодателям пока говорить нельзя – снимут последние рекламные полосы, и тогда придется увольнять всех с минимальным выходным пособием.

– Угу, еще бы.

– ...и тебе нужно съездить в Суздаль.

– Почему не в Иерусалим, например?

– В Суздале выездное мероприятие топ-менеджмента, ты

забыла?

– Так я уже не топ-менеджмент.

– Об этом никто не должен знать, пока не будет официального объявления.

– А команда?

– Кого сможем, пристроим в издательском доме. Но сразу скажу, зарплаты сохранить вряд ли получится.

И я пошла обратно. Я шла через всю редакцию к своему столу так, будто меня гнали через строй. Все эти люди имели право в меня плюнуть или стукнуть палкой. Вместо этого они работали над номером, который уже не выйдет. Вскоре мне предстоит уволить всех, а пока я даже не имею права сказать им об этом – придется читать тексты, выбирать фотографии, утверждать полосы. Играть в топ-менеджмент.

– Майка, – позвала я. – Ты на машине?

– Ага, – сказала Майка. – Поэтому и опоздала, парковка заби...

– Давай возьмем Лисицкую и съездим пообедать.

– Ну давай, – легко согласилась Майка, хотя мы сроду не ездили никуда обедать и питались в лучшем случае сэндвичами из автомата, и то ночью. – Только Лисицкая курит и ругается с Лисицким в данный момент.

Майка и Лисицкая – два моих заместителя. Они же – две мои лучшие подруги. Одиннадцать лет назад нас поселили в одну комнату в общежитии, и с тех пор никак не расселят. Когда мне предложили делать журнал с хорошими интер-

вью, интересными биографиями и литературными текстами, я позвонила обеим, и к утру мы уже нарисовали от руки макет. На обложке – название Notebook и, как сейчас помню, Иосиф Бродский, очень похожий на Антошку, который пойдем копать картошку (Лисицкая виртуозно владела оранжевым карандашом). Потом мы взяли выпускающего, арт-директора, дизайнера, фоторедактора, корректора Калерию Поликарповну и стали жить одной семьей, делать наш Бук, иногда отвлекаясь на окружающий мир. Я плохо понимала, как скажу подругам, что ничего этого больше не будет. Надо было начать издавека, смягчить удар.

– В общем, нас закрывают, – объявила я, как только нам принесли меню. И хихикнула. У меня такое часто бывает, защитная реакция организма. «Я не поступила в МГУ. Гыгыгыгы». «Я беременна. Хохохохо». «Нас журнал закрывают. Хихихихи». Кажется, подруги сейчас надают мне по щекам, и заслуженно.

– Ну что ж, – сказала Лисицкая. – Поеду в Питер, значит.

– Ого, – сказала Майка. – Стало быть, можно покупать билеты в Италию.

Я перестала хихикать. Конечно, мне хотелось смягчить удар. Но был ли он вообще? Похоже, моим девицам известие о закрытии Бука – что божья роса или сообщения Катерины Х. в скайпе.

– То есть вы рады, что ли? – пробормотала я.

– Да нет, не рады, конечно. Но очень уж измучились, –

вздохнула Майка.

– Долгая была агония, – подтвердила Лисицкая. – Задолбало. Ты весь последний год на ковре у начальства провела. Как йог.

– Так это я провела, а не вы...

– Бонус от дружбы с главным редактором, – объяснила Лисицкая. – Ты так или иначе все рассказывала. Ну, или не рассказывала, но возвращалась от Юры с таким лицом...

– Прости, Козлик, – встрепенулась Майка. – Конечно, нам жалко Бук.

– Жалко, – кивнула Лисицкая. – Очень.

– Но у вас есть план Бэ, – сказала я больше себе, чем им. Кажется, все уже знали, что Берлинская стена пала, и только мамочка лежала в коме...

– Так проще страдать, – невесело улыбнулась Лисицкая.

– Такой работы у нас больше не будет, – Майка почему-то потыкала пальцем в меню, как будто мы выпускали его, а не Бук. – Значит, надо пойти в другую сторону.

– Например, в журнал «Звезды и правда», – предложила я. – Отлично продается и заголовки...

– Нет уж, больше никаких журналов, – перебила Лисицкая. – После Бука – никаких журналов.

И тогда мне стало немножко легче.

4. Кузькина мать

Когда мы с подругами вернулись с обеда, мне пришлось позвонить мужу Вениамину.

– Ты заберешь Кузю из сада? – спросила я трагическим голосом. Когда тебе нужно, чтобы кто-то поменял свои планы ради твоих, лучше начинать с драмы.

– А что случилось-то? – Я услышала, как Вениамин считает: успеет ли он сгонять к Катерине Х. или волшебный вечер придется отменять.

– Я не могу говорить сейчас. Случилось плохое, – я еще понизила голос. Еще немного и перейду на бас. – Так ты сможешь его забрать?

– Ладно, – Вениамин вздохнул. – Ребенок скоро забудет, как ты выглядишь.

– Покажи ему мое фото в «Одноклассниках», – сухо предложила я и отключилась.

Вечером я собиралась напиться со своей редакцией. Вряд ли это могло считаться хорошим поводом бросить ребенка. Но у меня был козырь в рукаве – Катерина Х. Вениамин виноват куда больше меня. И поэтому в сад сегодня едет он, а я сообщаю еще пяти сотрудникам, что они мне больше не сотрудники.

Мы собрались в кафе подальше от редакции – шифровались. Я же не имела права никому рассказывать о закрытии

и знала, что рискую. Пойди кто-то из этих семерых к Юре – и проблем у нас станет в два раза больше. Юра всегда использовал любой шанс сэкономить, от слова «премия» у него начинался тремор, и я проводила много изнуряющих часов в его кабинете, объясняя, что годовая прибавка в три тысячи рублей – это не индексация зарплаты, а чаевые. В общем, я понимала, что если он захочет минимизировать наше выходное пособие, он это сделает. Но старалась верить своей команде.

– Чуваки, – сказала я, когда нам принесли два кувшина домашнего белого вина. Редакция у меня не особенно пьющая, по разным причинам. Кто за рулем, кто на ЗОЖе, а корректор Калерия Поликарповна не проходила в алкоголики по возрастному цензу. Строго говоря, обращение «чуваки» ей тоже не слишком соответствовало. И все-таки.

– Чуваки, – сказала я. – Наш журнал Notebook закрывают. Вы не должны об этом знать, но также уже не должны работать над следующим номером. Если мы все будем вести себя хорошо, нас уволят по всем правилам, а некоторых даже оставят в издательском доме. Я сделаю все, чтобы с вами поступили достойно. И простите, что не смогла спасти Бук.

Я видела, как арт-директор Макс сказал губами очень выразительное слово. Видела, как женатая пара, дизайнер Коля и фоторедактор Леля, затравленно переглянулись – новость касалась сразу ста процентов их семьи. Видела, как забле-

стели от слез глаза выпускающего редактора Риты. Калерия Поликарповна оставалась невозмутимой. Или глуховатой.

– Ну давайте выпьем, что ли, – подытожила Лисицкая. – Макс, Колян, разливайте.

Возможность что-то делать сразу вывела наших двух мужчин из ступора. Они взяли в руки по кувшину, зазвякало стекло, бокалы у всех наполнились домашним белым.

– Не чокаясь? – тихо спросила Майка.

– Да пошли они... – сказал Макс то слово, которое до этого произносил губами. – Жлобы хреновы. Такой журнал не уберегли! Давайте за Бук, и очень даже чокаясь!

– Да, за него! – подхватил Коля. И девочки, включая Калерию Поликарповну, тоже очнулись и начали пить.

Самое страшное на сегодня оказалось позади. Похоже, никто меня сильно не ненавидел. Жизнелюбие быстро взяло верх, и мы уже говорили о том, как, например, потратим выходные пособия на выходные в Амстердаме.

Корректор Калерия Поликарповна, которую мы называли «человек-скороговорка» (попробуйте быстро произнести «корректор Калерия Поликарповна»), после первого же бокала стала вспоминать молодость и самиздат. Глаза у нее были счастливые – она снова диссидентствовала. Выпускающий Рита, давно влюбленная в арт-директора Макса, решила не терять ни секунды из отпущенного нам времени и утвердила голову на Максовом плече. Он покосился на нее недоверчиво, но стряхивать не стал, сидел прямо. Фоторе-

дактор Леля не пила, и я вдруг подумала, что она, наверное, беременна. У нее в последнее время будто взгляд стал светлее, да и муж ее Коля ходил в приподнятом настроении. Что ж, мстительно подумала я, одну из нас вы точно уволить не сможете. Ни один Трудовой кодекс не позволит, даже если кодекс чести вам не помеха!

Майка рдела лицом и писала что-то неприличное в телефоне. Лисицкая спорила с Калерией Поликарповной о Солженицыне: «Да его невозможно читать, только вычитывать. Вам потому и нравится, что вы корректор!» Макс уже открыто гладил Ритину руку, Коля наклонялся к Леле и заботливо что-то спрашивал, а она, пользуясь, видимо, своим новым положением, капризничала и показывала знаками, как ей холодно.

Я пила вино и думала, что молодец. Собрала таких отличных людей, заняла их делом, и даже сейчас они меня не убили, а, наоборот, утешили – тем, что их жизнь идет дальше и с закрытием Бука не заканчивается.

Если вам кажется, что вы молодец и в воздухе пахнет весной, значит, вы выпили слишком много белого вина.

Зазвонил мой телефон. Незнакомый номер, но городской и из нашего района.

– Вениамин Александрович?

– А сами как думаете? – улыбнулась я. Жизнь пока казалась хорошей. На том конце кому-то было не до шуток.

– Извините, то есть, Вениамин Аркадьевич! Уже девять

вечера, и я больше не могу сидеть с вашим сыном, меня саму дети дома ждут. Может быть, позвоним матери?

– Вы уже звоните матери, Лейла Магомедовна, – я узнала Кузину воспитательницу. – Что случилось, ребенка не забрали?!

– Ой, здравствуйте, – испугалась меня воспитательница. – Наверное, я перепутала... Антонина Геннадьевна?

Кажется, в роли Вениамина Аркадьевича я нравилась ей больше.

– Да-да. – Я вышла в коридор, потому что сотрудники мои вошли в раж и перекрикивали даже Григория Лепса из колонок. – Что произошло?

– Я звонила Вениамину Аркадьевичу с шести часов, дозвонилась в семь, он сказал, что уже едет, но задерживается в пробке... – Как знакомо, боже мой! – Я хотела позвонить вам, но он сказал, что вы в Вологде...

– Где? Впрочем, неважно. Я выезжаю, – прервала я ее. – Лейла Магомедовна, дождитесь меня, пожалуйста.

К детскому саду мы с Вениамином подъехали одновременно – я на такси, он на своем джипе. Лил февральский снегодождь, работал только один фонарь, Кузя одетый стоял у калитки под навесом, рядом – Лейла Магомедовна неммым укором.

– Ну что же вы так, – укор перестал быть немым. – Разве можно!

Кузя был похож на сироту, которого привели показывать

новым потенциальным родителям.

Вениамин птицей подлетел к нему и схватил на руки. Спаситель.

– Садись в машину, – бросил он мне со всем презрением, на которое был способен. Я не понимала, что за сцена разыгрывается под фонарем, но мне было неловко перед Лейлой Магомедовной.

– Спасибо вам огромное, и простите нас. Куда вас отвезти? – спросила я.

– Да нет, я живу прямо здесь, напротив, – воспитательница помедлила. – Наверное, надо было его отвести ко мне. У меня тоже два мальчика, постарше. До свидания. Ничего страшного.

Она открыла зонт и удалилась в ночь.

Я села в машину. Вениамин пристегивал Кузю, Кузя все молчал.

– Нагулялась? – снова с тем же презрением сказал муж.

– То есть? – Я так удивилась, что могла только переспросить.

– От тебя алкоголем разит за версту!

– У нас закрыли журнал. Ты обещал забрать ребенка в шесть часов. И давай поговорим дома, пожалуйста, – я спиной чувствовала, как Кузя съежился в своем детском сиденье.

– Нет, ты ребенку объясни, где ты шляешься!

– Я-то? В Вологде же, сам сказал. А ты мне объясни, где

ты был с шести до девяти.

– Я ехал по пробкам! Город стоит!

– Я только что ехала по тому же городу. Добралась за пятнадцать минут.

– Да пошла ты! – Вениамин заорал, вывернул руль, шины завизжали.

– Ты сошел с ума, что ты творишь? Лучшая защита – нападение?!

– Мамочка! – закричал Кузя и будто захлебнулся. – Мамочка!.. Мы с Лейлой Магомедовной нарисовали для тебя коалку! Он такой серый, хороший, милый! Тебе обязательно понравится!

Мой ребенок молил о пощаде.

– Конечно, понравится. А он спит в кроватке? – Я повернулась к Кузе. На Вениамина старалась не смотреть.

– Нет, он висит на ветке. Ты разве не знаешь, коалки едят эвкалипт.

– Я думала, ему надоело есть эвкалипт и он решил поспать в кроватке.

– Не-е, – Кузя уже улыбался, думая, как здорово он отвлек маму от «плохого» разговора. – Он никогда не устает есть! Поэтому его знаешь как зовут? Жора!

– То есть Георгий?

– Нет, Георгий – это Гоша, как у нас в группе Гоша Чумаков. А коалка – Жора, он все время жр-р-рет!

И мы оба засмеялись. Молодец, Жора.

Дома Вениамин заперся в туалете и не выходил оттуда, пока я восхищалась Жорой, кормила и укладывала Кузю, пела ему песню про снежного человечка, обещала, что завтра заберу его пораньше из сада и мы опять сходим в пиццерию к Ириске, потому что ему понравилось, как она делает из бумаги коалок по фамилии Оригами.

– Это японская фамилия, – сказал Кузя, зевнул и согласился на то, чтобы я выключила свет.

Я взяла свой ноутбук и пошла с ним на кухню. Вениамин не хотел продолжения разговора. А я пока не хотела даже его начала. Я пришла в постель, когда муж уже спал. Судя по тому, как он картинно захрапел, – притворялся.

5. Мир, труд, Майка

Вино было домашним, а похмелье – диким.

Утром я проснулась с настоящей головной болью – и фигуральная головная боль отступила. В телефоне было много неотвеченных звонков и два сообщения. Одно от Лисицкой: «Ты забыла куртку и совесть. Обе у меня». Второе от Майки: «Что произошло, Козлик? Куда ты ускакал?»

Вениамин, как я и ожидала, встал рано, отвез Кузю в сад и уже уехал на работу – или куда он там уехал. Наутро выясняют отношения только в сериалах. Все выспались, всё поняли и готовы обсуждать. В жизни же люди действуют не по сценарию.

Я выпила таблетку и кофе, и в голове осталась только фигуральная боль. Одно дело собрать много хороших людей, сказать им, что они уволены, и радоваться тому, что они адекватно реагируют на твои слова. Другое – искать им новую работу и ехать в Суздаль на встречу топ-менеджмента. Кстати. Мне теперь тоже нужно искать работу. Как-то я вчера об этом не подумала.

В нашей семье зарабатывала я. А Вениамин просто был незаменимым специалистом. Я работала всегда. Днями, ночами, между сессиями, поступлением в аспирантуру, кандидатскими минимумами и поездками в роддом. Писала статьи про похудение и делала расшифровки программ для неза-

висимого телеканала – был такой. Бегала на интервью с гастроэнтерологами и организовывала съемки жены писателя на старой даче писателя – тогда я завела много знакомств, которые потом пригодились нам в Бук. Я даже ходила на дико интересный спецкурс одного дико умного журналиста и книгоиздателя, и ему нравились мои мысли и мои работы, но потом отвлеклась на Кузю. Когда книгоиздатель – звали его Роман Львович Крутов – позвонил мне и спросил, приду ли я на следующее занятие, я ровным голосом ответила, что вряд ли, потому что нахожусь в предродовой палате.

Акушерка отняла у меня телефон и крикнула в него:

– Папочка, потом позвоните, у ней пять сантиметров раскрытие!

Не знаю, как отреагировал книгоиздатель Крутов на эту радостную новость, но больше он мне не звонил. Мне казалось, что я упустила тогда что-то важное – призом по окончании спецкурса было штатное место в издательстве, и все понимали, что оно должно достаться мне. Когда я родила, Крутов распустил спецкурс с одним объяснением: «Не получилось». Роман Львович на меня рассчитывал, а я подвела. Но Кузя на меня рассчитывал тоже.

В общем, я работала. Внештатно – тонны статей про тонны лишнего веса и армию писателей, затем штатно – один женский журнал, другой женский журнал, потом Бук. Аспирантуру я бросила – не смогла втиснуть ее ни в один график. На каждом месте мне давали больше работы, больше ответ-

ственности и больше денег. Мы жили в квартире Вениамина, но купили две машины и за одну из них уже даже выплатили кредит. Вениамин ездил на «ленд-крузере», мой маленький синий бегемот «пиканто» с круглыми фарами стоял во дворе – я боялась его водить. Вениамин зарабатывал ровно в пять раз меньше меня, зато часто забирал Кузю из детского сада. Я догадывалась, что в саду у меня формируется образ редкого животного – кукушко-ехидны, но на работу все равно продолжала ходить.

Ну вот, теперь не буду.

Зазвонил телефон. Майка.

– Привет, Козличек, ты живой?

– Ага, относительно. Ты в редакции уже?

– Нет, я тут как раз объезжаю пробку недалеко от вас, подумала, может, заскочить тебя забрать?

– Давай, конечно, – обрадовалась я. – А у тебя все в порядке?

– Еще в каком, – засмеялась Майка. – У меня счастье, похоже, и я даже сглазить не боюсь! Вот так! Буду через пять минут, позвоню.

Майка приехала, и я в целях самосохранения предложила ей зайти на кофе, прежде чем ехать на работу. Слушать Майку, когда она за рулем, трудно: в эти моменты лучше тихо молиться и поминать грехи свои. Майка водит еще хуже меня, но ее это не останавливает. Гаишники ее тоже редко останавливают – она умудряется одновременно быть блон-

динкой и прикидываться ею (вы, кстати, замечали, что «натуральная блондинка» и «настоящая блондинка» – разные вещи... люди? Майка – натуральная, но умеет, если надо, быть настоящей).

– Марко позвал меня к себе! – донесла наконец Майка свою новость, выплеснула ее на меня с порога и опустилась на табуретку в кухне.

– Ого! – сказала я. – Вау! Беллissimo, или как там у вас?

– Офигиссимо! – засмеялась Майка. – Он позвонил сегодня утром и сказал, что больше так не может, любит и хочет жить со мной. Во Флоренции. Кто-то хочет жить со мной во Флоренции и звонит мне для этого в шесть утра! Козлик, ты представляешь?!

Козлик не представлял. Вообще-то ни один козлик не мог представить подобное еще полгода назад.

Полгода назад Майку бросил муж. Бросил хамски, как-то уж совсем некрасиво, в день похорон ее отца. Воткнул нож в спину, из которой уже торчало несколько ножей. Он безбожно изменял ей последние пару лет, и все знали об этом, и она тоже, но молчала, терпела. У ее мамы с папой была идеальная семья, и Майка изо всех сил пыталась себя убедить, что и у нее получится такая же. А папа умер. Майка и ее мама стояли у гроба, а Майкин муж спрашивал меня, хочу ли я вечером пойти на концерт группы «АукцѼон».

– Так вечером поминки, – говорила я шепотом, обдумывая – если я сейчас убью этого урода, его похоронят вместе

с дядей Славой?

– Ну и что. Сначала на поминки, а потом на концерт.

Позже я узнала, что после концерта он пришел к Майке и завернул красивую речь на тему «мне нужна свобода» и «я не хочу жить во лжи». Майка дала ему свободу в пять минут – за стенкой спала мама, которую напоили валокордином.

А потом начались чудеса.

Раз – и Майка по моему настоянию едет в пресс-тур во Флоренцию.

Два – она снова едет во Флоренцию в гости к Марко, итальянцу, с которым познакомилась в той командировке.

Три – и она все ночи проводит в скайпе, а днем отвечает на сообщения романтического толка.

Четыре – и Марко приезжает в Москву, оказывается красавцем, умницей, полиглотом и филантропом (заплатил за Лисицкую в кафе. Она была сражена).

Пять – он возвращается в Италию и через пару дней, подумав, зовет Майку к себе.

Ему за сорок, его работа как-то связана с нефтью, он жил в Вене и Париже, немного говорит по-русски, и его мама даже на фото – нормальный интеллигентный человек!

– Майка, – еле выговорила я. – Кажется, наш Бук не зря помер. Лелька беременна, Рита с Максом, ты с Марко, Вениамин завел себе бабу...

– А Лисицкая нашла работу с гигантской зарплатой.

– Что?! А это она когда успела?

– Вчера сразу после нашего исторического обеда. Ее давно звали какие-то знакомые питерские начальники обратно в пиар. Предложили деньги, которые в Питере, кажется, никому не платят. Она сначала отказалась – кто ж бросает Бук – а вчера быстренько согласилась, раз бросать уже нечего. Ей уже надо скоро переезжать и готовить какой-то суперфорум. Лисицкая собиралась сама тебе рассказать, но уж, простите, я сегодня архангел и несу вам благие вести!

И тут Майка осеклась. Помолчала, посмотрела на меня изучающе.

– Та-ак, – протянула она, – думала проскочить? Что значит «Вениамин завел себе бабу»?!

6. Выход А

В общем, на работу мы с Майкой так и не поехали. Более того, мы забрали Кузю из сада перед обедом (воспитательница Лейла Магомедовна проводила меня взглядом «я знаю, что вы делали прошлым летом»), пошли в кафе с пиццей и Ириской, просидели там больше двух часов, сложили пять коалок, раскрасили их в модные цвета сезона, а потом поехали в торговый центр неподалеку, и там Кузя купил себе настоящего коалку Жору. Плюшевого, с большими глазами и кожаным носом.

Торговый центр располагался в промзоне недалеко от шоссе Энтузиастов, и проектировал его, похоже, сумасшедший мастер лабиринтов. Мы довольно быстро заблудились. Майка утверждала, что машину поставила около выхода А, но никакого выхода А, а также Б или Ц, видно не было. Только множество тесных кабинок, громко именующихся павильонами, миллион коридоров и поворотов, большое и очень торжественное синее мусорное ведро и кофейный автомат с табличкой «Не раб.!».

– Стойте здесь, я пойду искать машину, – решила Майка, аккуратно прислонив нас к свободолобивому автомату. – Найду – позвоню.

Вместо нее мне позвонил издатель Юра. Я сообщила, что

мы с Майкой отсутствуем по семейным обстоятельствам.

– И что произошло в вашей с Майей семье? – Юра изобразил сарказм.

– Я развожусь с мужем, а Майя выходит замуж.

– Э-э... мы говорим об одном человеке?

– Почему же, о четверых.

В Юриной роботизированной голове что-то не складывалось. Он молчал. А не надо было закрывать Бук, разозлилась я.

– Женщина, на вас сейчас горилла упадет, – очень в тему вступила продавец из магазина игрушек, куда я ретировалась, чтобы Кузя не слышал разговоров о разводе.

Юра прослушал и про гориллу. После чего сдержанно, с достоинством попрощался.

Я вернулась к подпиравшему кофейный автомат Кузе.

– Ну что, мам, ты нашла выход А? – спросил ребенок в нетерпении: ему хотелось поскорее отвезти коалку Жору домой и познакомиться с остальными животными.

Нет, Кузя, не так быстро. Выхода пока нет. И похоже, еще долго придется искать, и мучиться, и вести неприятные разговоры. Я вздохнула.

И увидела Майку. Она бежала по длинному коридору и

радостно размахивала руками:

– Эй! Идите сюда! Я все поняла! Никакого выхода А не существует!

Вечером нас было уже трое – Лисицкая, узнав все новости и превозмогая гнев Лисицкого, приехала ко мне.

– Извини, мне пришлось сказать Лисицкому, что ты разводишься прямо завтра. И на всякий случай – что он тебя бьет.

– Кто? Вениамин?

– Ну да. Материнской платой по заднице.

– Очень жестоко. Весьма.

– Кузя не слышит? – спохватилась Лисицкая. – А то я тут ору...

– Кузя закрылся в комнате с Жорой.

– Надеюсь, эта фраза тебя не пугает.

– Да проходи ты уже. Нет, курить нельзя. Я развожусь, я и правила устанавливаю. Будешь ходить на балкон.

– Ладно уж. Майка, привет. Ты возьмешь фамилию Марко? Кто ты там будешь – Майка Комиссионери?

– Ломбардо его фамилия, – засмушалась Майка, потому что замуж ее пока не звали, но она, естественно, надеялась.

– Майка Ломбардо, значит. Красиво! А ты давай рассказывай, – это уже мне.

– Пытаюсь вставить слово...

Но рассказывать я начала не сразу. Я искала лимон, пока Лисицкая жарила привезенную с собой рыбу и возмущалась

тем, что у меня плита без гриля. Кузя пришел на запах, но оказалось, что рыбу он не хочет, а хочет макароны, и Майка, как будущая итальянка, вызвалась их варить. Потом принялась тереть сыр – не пармезан, увы, зато твердый от времени. Мой невозмутимый ребенок все равно слопал тарелку макарон и сказал Майке, уходя, «чао, белла». Майка зарделась и зачем-то сообщила Кузе, что в Италии сыр пармезан едят как хлеб и даже приносят беременным в роддом. Ребенок выслушал и ответил, что она все равно белла. Надеюсь, Кузя не перейдет на настоящих Жор к восемнадцати годам – он умеет сказать женщине то, что она хочет слышать. Пусть, как позже выяснилось, под «беллой» он имел в виду блондинку – бел-л-лые волосы.

– Он тебя гнобил. Все эти годы! – сказала Лисицкая, когда Кузя спал и стопроцентно не слышал ее.

– Да, – нерешительно подтвердила Майка. – Мне тоже так кажется вообще-то.

– Просто он мне изменяет и вы злитесь, – стала я защищать Вениамина. – Не надо делать из него монстра. Мы семь лет женаты. Родные люди, как ни крути. Ну, может, не родные, но двоюродные. Он не виноват, что все это с самого начала было... ни к чему.

– Семь лет ты считаешь себя толстой, – вдруг сурово произнесла Майка и в подтверждение этого перестала есть.

– Ну я и не худая.

– Не худая, – согласилась честная (и кстати, худая) Лисицкая. – Но и не толстая.

– Я поправилась после свадьбы. И после родов. Это нормально.

– Ты ходишь в старых очках! И с хвостиком!

– Мне просто жарко в волосах! – засопротивлялась я. Да что за дела? Сначала мать говорит, какая я плохая хозяйка, теперь подруги рассказывают, какая я страшная.

– А линзы ты почему не носишь? – угрожающе нависла надо мной Майка в образе Малфоя-старшего.

– У меня чувствительные глаза. Я и очки ношу редко, небольшой же минус. И вообще – что за разговоры в духе американского кино про тинейджеров? Она распустила хвостик, сняла очки, надела платье и ее заметил самый популярный парень в школе?!

– Кстати о платьях, – сказала Лисицкая, причем глядя на Майку. – Ты не покупаешь себе одежду. Даже за границей. Кузе покупаешь, Венику покупаешь, а себе – почти нет.

– А еще вечерами сидишь на работе или в «Шоколаднице»! – это опять Малфой-старший.

– Ну да, приговор окончательный. Я работаю и ем! Значит, дома меня бьют материнской платой.

– Ты не хочешь идти домой. У тебя офигенный Кузя, а тебе не хочется домой.

– Мы перешли к части «Антонина – плохая мать»?

– Не передергивай. У тебя дома – Веник.

– У меня и пылесос есть, – похвасталась я.

– ...и самый изящный комплимент, который ты от него слышала, – «Какая ты попастая!».

– А когда тебе исполнялось двадцать пять и ты просила, чтобы он подарил тебе уже наконец цветов, он позвонил из метро и сказал: «Я еду за розами и за туалетной бумагой».

Боже мой, какие у меня злопамятные подруги! Ну что ж, я им тоже кое-что напомним.

– Девочки, когда мне исполнилось двадцать пять, я ему сама первая изменила!

7. Сени мои, Сени

В двадцать пять лет я впервые после долгого перерыва поехала за границу. И сразу – во Вьетнам, в пресс-тур. Я тогда работала в женском журнале, и мы часто писали о разных курортах. Но то путешествие началось не с курорта, а с экстрима. Десять часов лета, ноль часов сна (я до сих пор не научилась спать в самолете) – и вдруг катакомбы Ку-Чи под Сайгоном. Вьетнамские партизаны вырыли эти подземные туннели во время войны с американцами. Чем руководствовались организаторы пресс-тура, потащив нас в Ку-Чи сразу из аэропорта, не знаю. Наверное, забыли, что в Москве четыре утра, а русские журналистки – не американские солдаты и мести вроде бы не заслуживают. Так или иначе, нас отправили в темные катакомбы. Впереди полз шустрый гид Нго с фонариком в руке, но я от него быстро отстала. Темнота, теснота, стертые коленки, звенящая от недосыпа голова – и я вдруг почувствовала две вещи.

Первая: вся моя жизнь в последние три года очень напоминает эти катакомбы.

Вторая: мне надо срочно изменить Вениамину.

Странно, но ни одна из этих мыслей в Москве мне в голову не приходила. Жила себе, работала, ползла как умела по своим катакомбам и считала, что так и надо. Вьетнам все изменил.

Ну, то есть Вьетнам никому не изменил, а изменила я. В пятизвездочном отеле на курорте Нячанг, на ненормально огромной кровати, с высоченным доктором Грановским.

Семен Грановский был женатым кардиологом из Москвы. В Нячанг приехал один по настоянию жены – до этого у него не было отпуска три года. В свободное от приема пациентов время он ездил по разным странам, но всегда по работе. На курортах Турции и Египта его узнавали отдыхающие тетеньки и просили консультаций. Семен со своим ростом 192 см, большой бритой головой и опытом выступления на телевидении плохо мимикрировал на местности и к тому же не умел отказывать людям. Вьетнам тогда был еще не так хорошо освоен россиянами, и жена Семена Вика купила ему путевку в Нячанг на две недели. Первую неделю Грановский плавал в бассейне и молчал. Потом приехала я.

Я воспринимала все на удивление спокойно. Антонина, которая за неделю до этого страшно мучилась из-за перспективы командировки и необходимости оставить мужа и сына на целых одиннадцать дней, похоже, осталась в Ку-Чи. Новая бессовестная Антонина знала: сюр закончится, кардиолог Грановский уедет лечить чужие сердца, а сейчас волноваться не о чем. Ну, разве что пусть дождя не будет – хочется купаться.

Как-то вечером я с вьетнамского телефона позвонила Ли-сицкой:

– Привет! А у нас похолодало, плюс 27 всего.

– О господи, – простонала Лисицкая из московского декабря. – Ты как там?

– Да хорошо... Тут это...

– Та-ак. Надеюсь, он не из Москвы?!

– Из Москвы, но в Москве все будет хорошо.

– Ага, Наполеон тоже так считал. Кстати, у нас потеплело, всего минус 14.

Грановский улетел за три дня до меня. Я спокойно восприняла и его отсутствие. Плавала в бассейне и молчала.

В московском аэропорту меня встречал Вениамин.

– Угу, – сказал он. – Загорела. А ребенок скучал!

В эту секунду эффект Ку-Чи вернулся. Или я сейчас себя в этом убеждаю. Хочется же, чтобы виноват был еще и Вениамин, например. Если бы он встретил меня лаской, цветами и караваем, я бы не ответила на звонок Грановского, который нашел мой рабочий телефон, купив для этого женский журнал.

– Я не могу забыть тебя. Мне не с кем здесь говорить и нечем дышать, – шептал Семен по телефону тем вечером. Я сидела на краю ванны и тоже шептала. Ванная стала нашим штабом на целых четыре месяца.

Явкой была его квартира в Люберцах. Старая, заброшенная, с единственным диваном, который приходилось раскладывать вдвоем и на счет «раз-два-три». Семен жил там еще до того, как стал светилом кардиологии, и все собирался продать квартиру, но жена Вика не разрешала – хотела сделать

ремонт и перевезти туда своих родителей из Рязани.

Вика была третьей женой и, наверное, поэтому сильно подозрительной. Прошлый брак Грановского закончился как раз с ее появлением. Как она отпустила мужа одного во Вьетнам – до сих пор загадка. В Москве звонила ему каждые полчаса, и он подробно рассказывал, где находится и когда будет дома. Надо же, столько лет прошло, а я до сих пор говорю о ней с раздражением, будто она передо мной в чем-то виновата...

Однажды Вика позвонила мне. Я ждала подтверждения интервью от звездных пиарщиков, незнакомому номеру не удивилась и трубку схватила неподготовленной.

– Антонина, это Вика.

– Да, Вика, добрый день! – Почему бы пиарщице не оказаться Викой?

– Антонина, оставьте моего мужа в покое, иначе в следующий раз я позвоню вашему, – спокойно сказала Вика.

– По-моему, вы ошиблись, – еле выговорила я и ткнулась в стену. Так вот что значит «земля уходит из-под ног».

– А по-моему, ошиблись вы. Я все сказала.

Я поразились ее холодности и выдержке. Уверена в себе, эмоции в сторону, главное – цель: спасти семью.

Поражалась я зря. Вечером позвонил Семен. Я побежала в ванную, схватила трубку, сказала «алло» со всей нежностью, на которую способен человек, сидящий в темноте.

– Антонина Николаевна, пожалуйста, поговорите с моей

женой Викторией, – проговорил Семен чужим голосом, как будто секретаря о кофе попросил, и тут же в трубке послышались рыдания Вики и едва различимое горькое «да».

– Здравствуйте, Виктория, это Антонина Николаевна, – сообщила я. Вообще-то я Геннадьевна, но эта ложь легко терялась на фоне остального.

– В-в-вы пра-авд-да общаетесь по раб-боте? – Вика была совсем не такой, как днем. Она умоляла меня что-нибудь придумать.

– Да, конечно. Так это вы мне сегодня звонили? – Я проворачивала в голове детективную схему. Откуда она могла узнать? Прочитала сообщения? Он их стирает. Забыл стереть? Да, вчера писал мне из машины и мог оставить мобильный там, а она утром нашла. Что было в последнем СМС? «Спасибо, что ты есть». Черт!

– Д-да, я звонила, потому что прочитала вашу переписку, – и снова рыдания.

– Семен (как его? Леонидович или Львович?) Леонидович писал мне только один раз. Он комментировал статью о сердечных болезнях в нашем журнале, я выслала ему комментарий на утверждение и вносила его правки. Он похвалил меня за оперативность и профессионализм.

– Правда? – Вика снова зарыдала, но уже счастливо. Значит, я угадала. Оперативность и профессионализм. Семен всегда говорил, что никто и никогда его не понимал так, как я.

Я еще немного поговорила с Викой, приняла ее извинения и передала Семену Леонидовичу привет. Потом отключилась и бросила телефон в раковину. Меня бил озноб. Любовник позвонил мне домой и дал трубку жене. Сидя на краю ванны, я прикидывалась оперативной и профессиональной Николаевной. А за пределами ванной – мой муж и мой ребенок, и я четыре месяца уже здесь сижу и прячусь от них... Я включила в раковине воду, она залила телефон. Через десять минут я вышла и весело сообщила Вениамину, что случайно утопила мобильный в ванне, и мы посмеялись над этой историей. Всей семьей посмеялись. Телефон был старый, и никому его не было особенно жалко.

С Семеном я потом встретилась еще раз, в той же квартире в Люберцах. Инерцию трудно остановить. Он просил прощения, много курил, говорил, что Вика все еще слабо верит в нашу историю и грозит уехать в Рязань вместе с их сыном. Когда я уходила, видела, как Семен поправляет в коридоре тапочки – чтобы стояли точно так же, как до нашего прихода. Больше на его звонки я не отвечала. Тапочки возымели эффект, обратный Ку-Чи: хватит приключений, возвращайся в катакомбы, где тепло, безопасно, а впереди даже светит фонарик. Не нужны тебе чужие тапочки.

Через месяц у меня случился рецидив, и я набрала его номер, но быстро сбросила. Вечером пришло сообщение: «Тонь, чего звонила;)?» – «Спасибо, был вопрос, но мы уже все решили», – ответила я. Семен никогда не ставил смайлы

и не звал меня Тоней – Вике повезло: я все-таки работаю со словом и разберу почерк доктора даже в телефоне.

После Семена я все время ждала кары. И когда узнала про Вениамина и Катерину Х., была разочарована. Я не плакала, не терзалась и не умоляла незнакомую женщину придумать мне версию поубедительнее. А значит, Вика все еще не была отомщена.

– Фигня это все, – покачала головой Лисицкая. – Семен твой небось еще сто раз развелся, он это любит. Он трус и Человек-тапки, ему и наказание положено. А ты просто тогда вернула Венику должок за годы счастливого супружества. От счастья, дорогая, на стенку не лезут и на кардиологов не бросаются. Правда, Майка?

Майка помолчала. Она была на месте Вики и знала, что все это далеко не фигня. Но гости невесты всегда на стороне невесты, поэтому она сказала:

– Козлик – хороший. Просто надо сначала развестись, а потом изменять...

Приехал Лисицкий, забрал Лисицкую и Майку. В коридоре мы решили, что я в скором времени поговорю с Вениамином о разводе.

И я поговорила с ним о разводе в скором времени. Через три месяца.

Часть вторая

1. Князь Балконский

Я бы и рада детально рассказать о тех трех месяцах, но не получится. Помню только отрывки, мини-клипы. Вот мы сдаем последний номер Бука, а потом еще две недели ходим в редакцию и имитируем сдачу следующего. Вот ко мне подходит пьяный генеральный директор, называет Алевтиной, говорит, что я очень талантливая, а потом предлагает пойти редактором в журнал о моде («Ну смотри, ик, – икает он в ответ на мой отказ, – на рынке все плохо»). Я в ответ отказываюсь ехать в Суздаль. Вот мы все, кроме беременной Лели, подписываем документы «по соглашению сторон» и забираем в кассе выходное пособие, наличными – целые стопки денег, на которые, кажется, жить да жить. Вот мы с Кузей гуляем посреди рабочего (для меня уже нерабочего) дня по Нескучному саду и я радуюсь, что наконец-то живу в Москве, а не в стенах бывшей мебельной фабрики, где находилась наша редакция. Вот мы с Лисицкой провожаем Майку в Домодедово, а потом уже я одна провожаю Лисицкую на Ленинградском вокзале. Лисицкая, деловая, сосредоточенная, тащит торшер, который не влез в «газель» компании-перевозчика. Большого мой мозг не сохранил – не

хочется ему мусолить первые месяцы без Бука.

Вениамина в этих воспоминаниях и вовсе нет. Появляется он только в первый летний день, на балконе, с сигаретой. Я только что приехала из Питера от Лисицкой – навещала ее в новой жизни. Мы с ней там почти не спали, много говорили, бродили по городу, пили кофе и вино. Стояли не белые, а скорее молочно-сиреневые ночи. В одну из таких ночей, уже у обратного поезда в Москву, я вдруг поняла, что надо мне поскорее уходить от Вениамина. Потому что сиреневые ночи, Питер и Лисицкая – настоящие, а мой брак – абсолютный фейк, прости меня, Кузя. Поезд прибыл в Москву в шесть утра, в семь я приехала на метро домой, выпила кофе из Кузиной чашки – в качестве страховки, что ли, или для храбрости, разбудила мужа и сказала, что нам надо поговорить.

Разговор на балконе занял меньше сигареты. Я сказала, что знаю о Катерине Х., но дело не в ней, а в том, что, кроме этой тайны и Кузи, у нас, кажется, больше нет ничего общего. Предложила быть нормальными людьми, не ругаться, не делить имущество и тем более ребенка. Мы с Кузей переедем поближе к школе (осенью он собирался в первый класс), я возьму Бегемота, микроволновку, оранжевую сковородку и свой ноутбук, остальное обсудим по ходу дела. Видеть Кузю Вениамину, конечно, можно хоть каждый день – жить мы будем рядом. Вениамин молчал. Я ждала и боялась двух вещей: что он станет просить прощения и умолять меня остаться и что начнет шантажировать ребенком.

– До двадцать восьмого успеете? – спросил Вениамин.

– Что успеем? – не поняла я.

– Переехать. До двадцать восьмого июня. Мне так удобнее, – сказал муж, с которым я прожила семь лет.

Так началось лето.

2. Нехорошая квартира

После разговора на балконе Вениамин совсем перестал появляться дома. Видимо, давал мне шанс попрощаться с квартирой, в которой я жила много лет. Я, однако, этим шансом пользоваться не спешила и ночевать старалась у мамы или у знакомых. Потому что как только оставалась одна в квартире Вениамина, садилась на стул или на пол в произвольном месте и начинала громко плакать. Однажды села на сковородку, которую сама только что сняла с плиты. Лисицкая по телефону тут же назвала меня Горячей Попкой, но и это не остановило рыданий. Поводы поплакать находились сами собой. Я вспоминала любой, даже ничтожный, счастливый момент нашего с Вениамином несчастливого брака – и все, готово, можно заливать слезами соседей снизу. Например, я жарила картошку (да, на той самой сковородке) и вспомнила, как влюбленный Вениамин семь лет назад каждый день покупал мне по дороге с работы пирожное «картошка», мое любимое. У него тогда были совсем другие глаза, а мы тогда были совсем другими людьми. Мне казалось, что романтичнее «картошки» на свете ничего быть не может.

Я сидела на полу, звонила Лисицкой по вайберу в Питер или Майке по скайпу во Флоренцию, отрывала одну от работы, а другую – от Марко, и лепетала что-то вроде «“К-картошка”, он п-покупал м-мне “картошку”, а теперь х-хочет,

чтобы м-мы съехали до д-двадцать восьмого-о-о!». Мои девочки честно пытались разобраться, что со мной и чем мне помочь. Но вайбер квакал, скайп шипел, я не слышала, что мне отвечают и как именно утешают, и от этого чувствовала себя еще более одинокой и заходила на второй круг рыданий.

Однажды я расплакалась при риелторе и хозяине квартиры, которую собиралась снять. Просто на стене в кухне висели такие же часы из «Икеи», как у нас дома. «У нас дома», – произнесла я про себя и почувствовала, как из глаз вылилась внушительная порция очень горячих слез, как кофе из автомата. Риелтор растерялся, а хозяин, толстый рыжий мужик, с каким-то удовлетворением произнес: «Все ясно». И пошел себе дальше по ободранному коридору. Кажется, даже сплюнул на пол.

Заплеванных полов и ободранных коридоров я навиделась тогда, наверное, на всю жизнь. Все свободное от рыданий время я проводила на сайтах сдачи-съема и в тематических группах в фейсбуке. Научилась бояться фраз «квартира чистая», «мебель наборная» и «с/у в плитке до потолка», а заодно – дозваниваться самым безалаберным риелторам и спокойно реагировать на самых безумных хозяев. Но квартира не находилась. Мне нужна была двушка поближе к школе, и это сильно сужало круг поисков. Лишать ребенка, который пока жил у бабушки и ничего не подозревал, собственной комнаты или получаса утреннего сна я не хотела. А вокруг Кузиной школы стояли в основном страшные пятиэтажки с

квартирами, в которых было бы удобно покончить с жизнью, а не начинать новую. Хозяева о своих жилищах были более высокого мнения и цены назначали исходя из собственных представлений о прекрасном. Некоторые к тому же использовали показ квартир как повод для самопрезентации. На их фоне рыжий дядька, плюющий на пол, очень скоро показался мне образцом деликатности. В одной квартире нас с риелтором ждала дама, которая хотела обсуждать наше сотрудничество только через дверь, приоткрытую на длину цепочки. «Оттуда вам видно почти всю квартиру, – нервно сказала женщина. – И фотографии я показывала. Откуда я знаю, может, вы меня ограбить пришли!» Другая хозяйка явилась на показ с двумя грудными детьми-близнецами, потребовала, чтобы я помыла одному из них попу в рекламируемом санузле с плиткой до потолка, и сказала, что проверять меня и мое поведение в своей квартире будет редко, не чаще чем два раза в неделю. Хозяин симпатичной светлой двушки, на которую я было понадеялась, пришел на встречу в приподнятом настроении. Ему было так весело, что я почти сразу все поняла. Он либо смеялся, либо «зависал», не в силах ответить ни на один простой вопрос: «Счетчики на воду? Водосчетчики. Хе-хе. Какое ржачное слово!» Риелтор, вздохнув, попросил перенести просмотр на завтра. Позитивный хозяин радостно согласился, но на завтра не вспомнил ни риелтора, ни того, что собирался сдавать квартиру.

В таком режиме я дожидая до 25 июня. Оставалось три дня

до установленного Вениамином срока. Я перестала ночевать у мамы и знакомых, потому что с утра до вечера бегала по чужим домам и мне надо было находиться, что называется, на районе. Приходила со встреч, садилась на пол, плакала из-за очередной «картошки», потом ложилась спать, не раздеваясь и не уж тем более не разбирая супружескую кровать. Майке и Лисицкой уже не звонила – квакающий вайбер плохо заменял лучших подруг.

Вечером 25 июня я нашла Татьяну Юрьевну и ее двушку в единственной в округе многоэтажке. Даже без помощи риелтора! Племянница Татьяны Юрьевны разместила в фейсбуке объявление, и я оказалась первой дозвонившейся: недели тренировок хорошо развивают реакцию. Квартира мне понравилась – небольшая, по-настоящему, а не по объявлению, чистая, с отдельными комнатами, без ковров и фотографий голых женщин на стенах, зато с посудомоечной машиной. И на одиннадцатом этаже. И прямо над школой, секундах в сорока от нее. Татьяна Юрьевна тоже порадовала. Спокойная интеллигентная женщина, не обкуренная. И дверь мне открыла, и даже напоила чаем на кухне за столиком с видом на посудомойку. Мечта, а не хозяйка. Мы прямо за чаем подписали договор, я выдала Татьяне Юрьевне деньги за два месяца, а она мне – две пары ключей.

– Можете уже сегодня здесь ночевать, Тоня, – сказала хозяйка, улыбнулась по-доброму и ушла.

Если бы я умела делать колесо, я бы сделала его там, в

прихожей, не выпуская из рук ключей. Счастье такой силы я, пожалуй, последний раз испытала, когда увидела свою фамилию в списках поступивших в МГУ (снова прости, Кузя).

Я сбегала в квартиру Вениамина, принесла оттуда постельное белье, ночную рубашку, пачку печенья и ноутбук. Ночью на большом раскладном диване я впервые за три недели спала без уличной одежды.

В следующие два вечера я перевозила вещи – с помощью Лисицкого, который еще не отбыл в Питер к Лисицкой и по ее приказу ездил ко мне после работы. В багажнике его большого джипа почти вся наша с Кузей жизнь переехала из одной квартиры в другую. Бегемота, которого я боюсь водить, Лисицкий тоже подогнал поближе к нашему новому подъезду.

Я гордилась собой: уложилась в срок, нашла хорошую квартиру по нормальной цене, и уже третий день не плачу на полу. Прямо гора с плеч!

Если вам кажется, что гора упала с плеч, убедитесь в том, что она не упала вам, например, на ногу.

Вечером 28 июня я позвонила Вениамину и дружелюбно спросила, можно ли зайти и взять кастрюлю – варить Кузе макароны. Вениамин был холоден, но разрешил: «Ладно, заодно ключи забрось».

Я пришла, позвонила в дверь, долго ждала. Воспользоваться своими ключами теперь казалось неправильным. Наконец мне открыли. Но войти не получилось – я споткнулась

об огромный чемодан в прихожей. За ним обнаружилась Катерина Х., я узнала ее по фотографии из «Одноклассников». В руках она держала противень с грибами, а ее шею украшала леска с сушащейся рыбой – наш ответ гавайским бусам. Дома было довольно тепленько.

– Кастрюлю я помою, – сказала домовитая Катерина. – Суп вот сготовила.

Пройти дальше мне не предложили, поэтому я так и стояла у открытой двери на лестничной клетке. Вся прихожая была завешана гирляндами из рыбы. Запах стоял соответствующий – праздничный. В спальне, еще вчера моей, шумел телевизор. Вениамин вышел ко мне, когда Катерина уже обменяла через чемодан мокрую зеленую кастрюлю на мою связку ключей.

– Мы на балконе нашли старые игрушки, заберешь? – спросил он не поздоровавшись. Тон у него был раздраженным. Я поняла, что теперь это единственный тон, которым муж (бывший? полубывший?) готов со мной общаться.

– Да, конечно. Кузя их любит. Ну или может у тебя в них играть, если хо...

– Мы выбросим, если не заберешь, нам они на фиг не нужны, – перебил Вениамин.

Не то что сушеная рыба.

– Хорошо, – я старалась смотреть мимо Вениамина. – Я заберу.

Он молча ушел на балкон, вернулся с большой клетчатой

«челночной» сумкой и бросил мне под ноги, прямо на чемодан.

Я взяла в одну руку сумку, в другую – кастрюлю.

– До свидания, – сказала я Катерине Х., не спускавшей с меня глаз, и пошла вниз. Вениамин уже снова отбыл в спальню.

На улице я поняла, что сумка слишком тяжелая. Тогда я надела зеленую кастрюлю на голову и медленно, все время меняя руки, потащила Кузины игрушки в наш с ними новый дом.

На одиннадцатом этаже у лифта меня ждала хозяйка Татьяна Юрьевна. У нее было виноватое лицо, и это не предвещало ничего хорошего.

– Тоня, простите меня, – заговорила она сразу и быстро. – Я не хотела по телефону, сама приехала...

Тут она осеклась – заметила кастрюлю на моей голове. Выглядела я, наверное, стильно и воинственно.

– Проходите, – устало сказала я. Я же не какой-нибудь Вениамин, чтобы держать человека на лестнице.

– Простите, – повторила она уже в кухне. Тяжело села на табуретку, сложила руки на коленях. – Вам придется уехать из квартиры.

– Та-ак, – протянула я и зачем-то убрала кастрюлю в посудомоечную машину.

– Понимаете, у меня есть сын, – сказала Татьяна Юрьевна, помолчав. – Человек он своеобразный. Он, как бы это

сказать, сидит. Сидел. В тюрьме. До недавних пор. А теперь выходит. Жить с ним я не могу. Лишить его квартиры тоже – все-таки сын. Но будет плохо, если он вас здесь застанет.

Своеобразный человек меня просто убьет, поняла я. И возможно, снова сядет, осчастливив мать, но мне это уже не поможет.

– Ясно, – сказала я. – Сколько у меня времени?

– Понятия не имею, – ответила Татьяна Юрьевна и опустила глаза. – Но лучше бы уложиться в пару дней. Вы не представляете, как мне тяжело. Он был таким хорошим мальчиком в детстве. Это же его пианино в маленькой комнате. Подавал надежды, ему прочили Гнесинку и блестящее будущее, я сама ставила ему руку...

Татьяне Юрьевне явно было стыдно – и передо мной, и перед всеми теми, кому ее мальчик подавал ложные надежды, и перед будущим, которое наступило вместо того, блестящего. Я пожалела ее и даже забыла о том, что мне теперь негде жить.

– Разговаривайте со своим сыном, Тоня, – сказала она горько уже в дверях. – И не только об уроках и о беспорядке в комнате. Очень важно знать, чем живет твой ребенок. Очень важно.

Не знаю, имеет ли право мать, у которой сын сидит в тюрьме, давать советы по воспитанию детей, но я ей поверила и пообещала себе, что беспорядок в комнате никогда не встанет между мной и Кузей. Особенно если я ему эту комнату

заново найду.

Потом я села на пол и привычно выплакалась.

Утром я проснулась с тяжелой, похмельной головой, хотя ничего, кроме чая, мы с Татьяной Юрьевной на ночь не пили.

Итак, итог: мужа нет, дома нет, друзей нет, работы нет и о поиске даже думать страшно, а остатки денег придется отдать новому хозяину и новому риелтору, без которого за два дня квартиру точно не найдешь. Первый месяц лета прожит зря. Обнуляем результат.

В это время ожил скайп. Звонила Майка – тот самый друг, которого у меня якобы нет.

– Приве-ет, Козлик! – махала она мне с экрана. – Как ты там? Обживаешься на новом месте?

– Да, – сказала я как можно бодрее. – Привезла вчера последние вещи, познакомилась с Катериной Хэ.

– О! И как она, тепленькая? – засмеялась Майка. Она теперь все время смеялась, и мне не хотелось посвящать ее в свои криминальные хроники.

– Вполне! Грибы сушит.

– Отлично! – Снова Майкин смех. – Наша белочка! А я тебе не просто так звоню, а по хозяйству. Моя мама просила тебя заехать к ней сегодня. У нее там клубника с дачи. Тонны три. Просила взять с собой ведро или большую кастрюлю.

– Кастрюлю как раз могу! – И я рассказала Майке о том, как путешествовала по району в полном обмундировании.

Майка смеялась, а я чувствовала, как с каждым ее комментарием жизнь налаживается. Квартиры нет? Подумаешь! Зато есть клубника. И Майка. И Марко, который однажды спас положение так убедительно, что прочно закрепил нашу веру в чудеса.

В общем, я решила и правда поехать к Майкиной маме за клубникой, вместо того чтобы целый день разыскивать новых риелторов и их клиентов. Завтра найду. Ну или погибну в неравном бою с хозяйским сыном-уркой.

Майкина мама, тетя Света, жила на Бауманской. Мой любимый район Москвы. Особенно с тех пор, как там закрыли на ремонт метро и таким образом значительно сократили количество неприятных людей в округе. Уютный район, уютный дом из старых, якобы охраняемых государством, неожиданно современная квартира с ремонтом, который Майкин папа успел сделать до того, как отказало сердце... Мы всегда любили бывать у тети Светы с дядей Славой. А после его смерти стали заезжать реже – боялись лишний раз соприкоснуться с чужим горем. Эгоистки несчастные – ругала я себя, пока звонила в тети-Светину дверь.

Она открыла мне, такая же улыбчивая и гостеприимная, как всегда. Обняла, расцеловала, отняла кастрюлю и пообещала кофе с тортом. В квартире пахло клубникой и солнцем. На круглом деревянном столе в гостиной, устроившись точно посередине, спал британский кот Ватсон. Ему было очень хорошо.

– Это и есть торт? – спросила я тетю Свету. – Красивый!

Мы пили кофе, Ватсон лениво играл с солнечным зайчиком, клубника постепенно переезжала в мою кастрюлю. Я очнулась, когда тетя Света вдруг в ужасе воскликнула: «Так тебе негде жить?» Оказывается, я рассказала ей все. Забылась, «поплыла» в уюте.

Повисла тишина. Я пыталась шутить – мол, у меня еще целый день, и Джек Бауэр за 24 часа успевал мир спасти, не то что найти жилье. Но тетя Света, во-первых, не знала про Джека Бауэра, во-вторых, терпеть не могла, когда обижают детей, а меня привыкла называть и считать ребенком. Минуты три она сидела молча, потом решительно подошла к шкафу с посудой, вытащила оттуда хрустальный кувшин и, наклонив его, вытряхнула что-то звенящее себе на ладонь.

– Пойдем, – сказала тетя Света. – Клубнику потом забережь.

– Куда пойдем? – Я вопросительно оглянулась на кота, ища поддержки. Ватсон вылизывал себе зад и помощь оказывать не торопился.

– В нехорошую квартиру, – вздохнула тетя Света. – Будем снимать проклятие.

В лифте мы снова молчали, потому что с нами ехал годовалый мальчик, желающий обнимать мою ногу, и его мама, желающая это немедленно сфотографировать на айфон. На улице тетя Света сердечно попрощалась с соседями, а мне предложила идти пешком.

– Это недалеко, на «Курской», не хочется там парковку искать, – объяснила она и быстрым шагом двинулась по Старой Басманной в сторону Садового кольца. Я решила наводящих вопросов не задавать – наводить их было пока некуда.

У Разгуляя тетя Света, видимо, собралась с мыслями, потому что начала, наконец, рассказывать:

– У Майки был дедушка, художник Шишкин. *Другой* художник Шишкин. Не такой известный, как тот, что с медведями, но тоже хороший. Отец дяди Славы.

Я хотела было блеснуть школьными знаниями и сообщить, что *тот* Шишкин медведей как раз не рисовал, но почему-то промолчала.

– Так вот, – продолжала тетя Света. – Художник Шишкин и дядя Слава не общались много лет, совсем. Потому что художник полюбил какую-то юную то ли горничную, то ли учительницу, ушел от дяди-Славиной мамы и стал жить с молодой любовницей в квартире на Садовом кольце. А квартиру на Бауманской оставил жене. Дядя Слава был гордый, за мать обиделся, с отцом все отношения порвал, психанул и уехал работать на Север. Я все пыталась его убедить помириться с отцом, но дядя Слава же упря-ямый, ни в какую. А когда художник Шишкин умер, все ждали, что та юная учительница-горничная начнет претендовать на квартиру, но она вместо этого просто исчезла, а ключи нам передали соседи. По-рушила, в общем, горничная сценарий. Дядя Слава расстроился, ключи швырнул в шкаф и сказал, что та нехорошая

квартира ему нипочем не нужна, папа Шишкин все равно человек бесчестный, и наследство его проклятое. Потом умерла свекровь, мы вернулись с Севера и стали жить на Бауманской, ну и дальше ты знаешь... Вот и стоит нехорошая квартира как памятник то ли предательству, то ли любви – горничная-то ведь так и не нашлась, стало быть, любила старого художника Шишкина за просто так. Я бывала в той квартире. Огромная, темная, заваленная хламом, рамками, кистями, и все комнаты странной формы, как из тяжелого сна. Правда нехорошая какая-то. Но на Садовом кольце, на Земляном Валу. Может, тебе понравится?

Я не знала, что ответить. Как-то мне раньше не предлагали квартир на Садовом, даже проклятых.

– Бог знает, – улыбнулась я растерянно. И тут зазвонили церковные колокола.

Мы с тетей Светой, видимо, пришли. Свернули с Садового, прошли в арку и теперь стояли на лестнице, которая, как мы думали, ведет во двор дома. Но она туда не вела и заканчивалась тупиком. А колокола звонили – громко, призывно – и мешали думать. Тетя Света велела мне оставаться на месте и побежала искать другие пути. А я озиралась и пыталась понять, откуда звон – рядом ни куполов, ни крестов, ни вообще здания, напоминающего церковь. И я нашла: колокола звонили из дома внизу, из открытого окна на втором этаже. Их даже было видно с моего поста на лестнице. А уж как слышно! И мелодию они вызванивали красивую, необычную, да-

же немного рокерскую. Я все ждала, что сейчас подключится гитара, но она не подключилась, зато вернулась довольная тетя Света.

– Пойдем, – сказала она и, взяв за локоть, потянула вперед. – Я все забыла. В дом можно войти с улицы, а эта лестница ведет к школе, видишь табличку?

Действительно, мы стояли у небольшой школы, пустой по случаю июня. В окнах ее явственно различались парты и доски. Колокола замолчали. Мы спустились, вернулись на шумное Садовое, подошли к величественному девятиэтажному дому с эркерами и колоннами. Надо же, я и не думала, что в таких домах кто-то живет, входит с улицы в самую обычную дверь с синей табличкой «Подъезд 2 кв. 25–40». Тетя Света приложила к кодовому замку ключ-таблетку. Дверь запищала, мы оказались в пугающе огромном холле с очень парадной лестницей и золотой люстрой, нашли лифт и поднялись на восьмой этаж. На лестничной клетке было всего две квартиры, друг напротив друга. Дверь в правую квартиру выглядела как вход в правительственный бункер, зато левая мне понравилась – она была старенькой, обитой темно-синим дерматином и без номера. Рядом с ней, под полужакрашенным белилами звонком, было тоненько выведено ручкой «Ш. 37». Я сразу поняла, что нам туда.

Тетя Света открыла синюю дверь, помучившись немного с ключами, и мы вошли в прохладную прихожую.

Я думала, мне будет страшно или неловко. Но я глубоко

вдохнула воздух Нехорошей квартиры и поняла, что пахнет здесь так же, как у нас в Белогорске пахло при бабушке. А все связанное с бабушкой – хорошо и не страшно. Поэтому я взяла тетю Свету за руку чуть выше кисти, хотя никогда людей за руки просто так не хватаю, и сказала:

– Спасибо вам большое. Здесь очень красиво. Я пойду, – и, почти не споткнувшись о подрамники, уверенно побежала к лифту.

– Ребенок, стой! – скомандовала тетя Света, и я моментально поняла, кто у них в семье все эти годы был главным – раньше думала, дядя Слава. – Давай торговаться.

Пришел вызванный мной лифт. Двери открылись, потом снова закрылись. Тетя Света ждала. Я не входила в лифт, но и в квартиру не возвращалась. Тетя Света подошла ко мне и сказала:

– Я готова тебе ее сдавать. За такие-то деньги (она назвала сумму, за которую я собиралась снимать квартиру сына-урки). Ты будешь их переводить мне, а я – беречь для Майки. Потому что никаким Майкиным мужьям я больше не верю. Этот ее Марко вроде бы хороший человек. Вот и пусть. Чем лучше я подстрахуюсь, тем более хорошим он мне будет казаться. Богатств у меня нет, зарабатывал всегда дядя Слава, зато есть эта квартира.

– Которую вы можете сдать за сто миллионов крон, если призовете фантазию и риелтора, – убеждала я ее под скрип закрывающихся дверей лифта. – Или продать – и тогда Май-

ке ни один муж не страшен.

– Могу. Но не хочу, – сказала тетя Света спокойно. – Дядя Слава столько лет не разговаривал с отцом, а потом они умерли с разницей в два года. Так глупо! Мне уже хочется, чтобы эта дурацкая квартира принесла хоть кому-то хоть какую-то радость. Как будто они взяли и помирились. Как будто живы. Славка жив...

Я поняла, что стою такая гордая у лифта, пока женщина, которая никогда не перестанет плакать по умершему мужу, разными способами уговаривает меня принять от нее дорожный подарок. Лифт опять уехал.

– Для начала надо прибраться и пересчитать комнаты, – сказала я и шагнула обратно в квартиру. – Их тут, на первый взгляд, штук пятьдесят. Хорошо, нам с Кузей как раз хватит. Не знаете, у художника Шишкина был веник? Или, может, большая кисть, которой можно выметать мусор? Чтобы перевезти сюда свое барахло, придется немного сократить количество подрамников на квадратный сантиметр.

– Вот и хорошо, – сказала тетя Света и обняла меня. – Вот и славно.

3. Перевод продукта

Наступил июль. Стояла приятная жара с ветерком, мыть окна в Нехорошей квартире было очень удобно. Окон было много и выходили они и во двор, к колоколам церковной общины, и на Земляной Вал. Я открывала их настежь, вставляла на широченные подоконники, брызгала на стекла суперсовременным средством и потом вытирала старыми газетами, которых в квартире обнаружилось даже больше, чем подрамников. Иногда я выходила на балкон, под которым гудело Садовое, и читала там желтую в самом прямом смысле, от времени, прессу – о том, как хорошо советским гражданам, а американскому народу, наоборот, плохо, о том, как решения правительства претворяются в жизнь, а надои неуклонно растут. Все в рамках курса на импортозамещение, будто сегодня напечатано. Потом я уставала мыть окна и шла есть клубнику из старенького холодильника. Холодильник чудесным образом удалось, пусть и не сразу, включить, он оказался темпераментным и служил мне с благодарностью и рвением. Иногда, особенно ночами, он, видимо, пытался выйти в космос – трясся и гудел всеми моторами, только что лампочки не мигали. Зато мне не было одиноко. Мы с квартирой вообще как-то быстро подружились. Я ее отмыла, выбросила тонну хлама, переставила легкую мебель, а с тяжелой стерла пыль. Жила я, правда, пока только в кухне и при-

мыкающей к ней маленькой спальне, которую сразу себе выбрала. Там была большая торжественная кровать с шишечками и исправные часы с кукушкой, а что человеку еще надо? Остальные комнаты я так и не пересчитала. Они шли веером вокруг просторного холла, который условно делил квартиру на правую сторону – окнами во двор и левую – окнами в город. Все комнаты были разного размера, с произвольным количеством углов. Попадались и тайные, прикрытые дверями и занавесками. В одной такой – видимо, гардеробной – качались штук тридцать деревянных вешалок, в другой – я назвала ее кастрюльной – громоздилась на полках посуда. А считать ли полноценной комнатой маленький треугольный закуток между прихожей и холлом? Неизвестно. Кузе я решила предоставить взрослый выбор – пусть потом сам скажет, в какой комнате хочет жить, а пока с ним о переезде и разводе трусливо не разговаривала, ждала подходящего момента или окончания лета, что наступит раньше.

Вещи из уркиной квартиры мне привезли настоящие грузчики – я, как большая, заказала «газель» со скидкой. Коробки стояли в гостиной, у балконной двери. Я развесила верхнюю одежду в гардеробной, поставила зеленую кастрюлю в кастрюльную, а свою старую турку – на плиту. Заселять квартиру активнее пока стеснялась. Одно дело вымыть пол, другое – расставлять сувениры на полках. Мне казалось, не стоит злоупотреблять гостеприимством, потому и новоселья не устраивала. Впрочем, устраивать его было особенно и не с

кем. У всех вокруг кипела новая жизнь – у кого в Питере, у кого во Флоренции, а у кого и в Москве, но в совершенно новой системе координат. Я почти не виделась со старыми знакомыми, только переписывалась в мессенджерах. Однажды столкнулась у Курского вокзала с Колей и Лелей, уже весьма беременными. Мы едва перекинулись парой слов, они спешили на электричку и хотели еще забежать за пончиками. Мне показалось, они выглядят счастливее, чем во времена Бука, и я расстроилась. Получается, закрытие нашего журнала всем, кроме меня, пошло только на пользу и принесло захватывающие перспективы. Лисицкая вон зарабатывает в два раза больше, чем раньше, несмотря на кризис, у Майки любовь, у Коли с Лелей ребенок, одна я в разводе и у разбитого корыта – зеленой кастрюли. Потом я устыдилась этих мыслей, но избавиться от них насовсем не получалось.

Меж тем деньги заканчивались, а искать работу я боялась. Даже вывешивать в фейсбук объявление мне не давало чувство самосохранения: а что если не будет ответа? Что, если окажется, что я совсем никому не нужна со своим журнальным опытом в эпоху интернета? Я периодически обновляла на хедхантере резюме и всем знакомым уже рассказала, что снова готова работать, но дальше двигаться не решалась. Иногда бралась за несложный фриланс – то напишу статью о чае в журнал о путешествиях, то сделаю подборку чеховских цитат для сайта о счастье и добре. Я решила, что, если к сентябрю не найду нормальную работу, утоплюсь в ста-

рой ванне. Достойные карьерные планы, надо их упомянуть в сопроводительном письме к резюме. Пока же казалось, что до сентября времени вагон – я вообще мастер откладывать неприятные дела на вечер, понедельник и осень – дисциплинированная Лисицкая прозвала меня Всемирный Потом. Кузя жил у мамы, я их навещала, Вениамин на звонки не отвечал и увидеться с ребенком не стремился, но я и тут решила пытаться ровно до сентября. А что, 1 сентября – это настоящий Новый год, не чета январскому. Все меняется, от погоды до телесезонов, дети идут в школу, взрослые, хныча, возвращаются из отпусков. Петр Первый был не прав, в общем – лучше бы хипстеров побрил, чем устраивать нам длинные праздники посреди зимы.

Однажды утром мне предложили сделать перевод с английского. Однокурсница позвонила, сказала, что не успевает, а заказчик готов доплатить за срочность, и финальный текст с клиентом она утвердит сама. Я обрадовалась: давно мечтала заняться переводами. Правда, планировала начать с нового романа Джонатана Тروппера или нового сериала Аарона Соркина, а мне заказали брошюру о повышении продаж живого йогурта. Но тоже ничего, живенько. Сорок пять страниц за пять дней, бизнес-лексика, помноженная на медицинские термины и сложные метафоры («млечный путь нашего продукта на небосклоне других молочных изделий») – к концу недели я мстительно думала, что если этот гадский йогурт действительно живой, я готова это ис-

править. Натравить бы на него его же собственных бактерий, раз они такие активные! Я, однако, уложились в срок и страшно собой гордилась. Ночью выслала текст дрожащими от напряжения руками и стала ждать правок, даже спать боялась лечь – вдруг йогурту что-то не понравится. Правок не было ни ночью, ни утром – как и вообще какой-либо реакции. Я отправила однокурснице несколько сообщений в фейсбук, а в три часа дня даже позвонила.

– 3700! – обрадованно сообщила она в трубку.

– Погоди, обещали вроде больше, – расстроилась я.

– Кто обещал?

– Клиент. Ты так говорила. 1200 рублей за тысячу знаков, получается намного больше, чем 3700.

– Ой. Прости, я забыла про перевод, я тут родила. Мальчика. Сегодня утром. 3700, 53 сантиметра!

– Ничего себе, – только и могла сказать я, даже поздравить не догадалась.

– Ага, такой огромный! – веселилась молодая мать. – И глазки умные, как будто он уже все понимает, представляешь? А перевод тебе придется самой утвердить, телефон клиента я пришлю.

Она действительно прислала городской номер телефона – и только. Ни имени, ни фамилии заказчика. Видимо, ответит мне сам йогурт, лично. Обижаться на только что родившую женщину, которая к тому же все-таки дала мне шанс заработать, было нечестно. В конце концов, я журналист. Прав-

да, странный – ненавижу звонить незнакомым людям, тем более когда мне от них что-то нужно. Особенно если между нами ресепшн и много телефонной музыки. Но я справлюсь. Я сильная. И активная, как бифидобактерия.

– Козлюк! – сказали в трубке низким женским голосом.

Ого. Йогурт меня узнал?

– Да, – осторожно ответила я.

– Что да? – не церемонился йогурт.

– Я Козлюк, – уточнила я.

– Нет, это я Козлюк.

Воцарилось молчание. Что вообще происходит? Йогурт решил похитить мою личность? И зачем? Он и так несказанно уверен в себе.

– Девушка, – позвали в трубке. – Вы будете разговаривать?

– Я Козлюк, – упрямо повторила я и перешла к шантажу. – У меня ваша брошюра о живом йогурте. Млечный путь на небесах.

– Господи, – вдруг ахнул йогурт. – Вы Козлюк?

Может, он и живой, но тормоз тот еще.

– Да! Я Антонина Козлюк, переводчик. Ваш телефон мне дала Наташа Беляева. Она должна была прислать вам перевод брошюры, но вместо этого родила мальчика. Что мне делать?

– Приезжайте к нам, – вдруг сказал подобревший йогурт, и даже голос у него стал не таким низким. – Одна. Все сразу

и обсудим.

– А текст не нужно присылать?

– Возьмите с собой. И паспорт захватите. Мы находимся на Якиманке, успеете сегодня до шести?

А я всегда теряюсь, когда незнакомые йогурты с женским голосом предлагают мне приехать на Якиманку до шести. Поэтому соглашаюсь на все и даже позволяю заказать на себя пропуск.

В пять тридцать я уже вышагивала в молочно-белом лобби просторного здания на Якиманке и ждала, когда за мной спустятся и начнут обсуждать перевод. На стенах были нарисованы веселые коровы с сумасшедшими мордами, каждая из которых выражала острое желание залить население экомолоком.

– Козлюк Антонина Геннадьевна, – девушка с ресепшн зачитывала кому-то по телефону мои паспортные данные. – Место рождения – город Белогорск Московской области.

Строго тут у них, думала я. Не забалуешь. Захочешь украсть секретную формулу ряженки – и фиг, тут же депортируют обратно в Белогорск!

– Антонина Геннадьевна, поднимайтесь на шестой этаж, кабинет 606, – разрешила девушка с ресепшн, прикрывая трубку одной рукой, а другой возвращая мне паспорт.

Хорошо, не 666, думала я, входя в лифт. Кнопочки в лифте были в форме коровьих копыт. Черт, а ведь копыта тоже есть не только у коров... Куда меня занесло?

Я постучала в дверь 606 и услышала уже знакомый низкий голос: «Да-да, входите!»

Мне навстречу вышла высокая сутуловатая блондинка в сером офисном костюме. «Надо же, не йогурт», – успела подумать я, прежде чем услышала:

– Ну здравствуй, сестра!

4. Плохие Гены

– Жозефина Геннадьевна Козлюк, – представилась блондинка и посмотрела на меня выжидающе.

Здесь, кажется, пора упомянуть о моем папаше. Как я уже говорила, воспитавшая меня бабушка Аня была светочем города Белогорска. Ее все любили, а она до обеда успевала сделать столько добра, сколько кандидаты в президенты не успевают даже пообещать. В Белогорске у нее был единственный враг. Геннадий Козлюк. Мой отец.

Геннадий и моя мама встречались в школе, а потом еще недолго – после нее. Мама забеременела, маэстро Козлюк великодушно признал отцовство, а вскоре ушел к другой женщине. От Геннадия мне в итоге достались только фамилия и отчество. В общем, этот человек мне сильно удружил. Когда мы с мамой и бабушкой собирались вместе за столом, я шутила: «Графиня Элен Яворская, графиня Аннет Яворская и их украинская горничная Антонина Козлюк!»

Тему Геннадия за семейным столом всячески избегали. А Геннадий на улице избегал меня, маму и особенно бабушку. Он работал главным инженером на единственном в Белогорске предприятии – заводе, выпускающем газонокосилки. У него была жена и дочь, и весь город знал, что есть еще и я. Бабушки на лавочках Геннадия осуждали, дедушки молча

ловили рыбу, так как понимали – всякое бывает у мужиков. Мы с его дочерью учились в разных школах. Говорят, по району она попадала в мою, но Геннадий проявил находчивость, дал взятку, и мы с той девочкой не встретились. Но, пожалуй, это единственное, за что я была благодарна господину Козлюку. Бабушка же, в очередной раз заметив, как зоркий Геннадий перебегает на другую сторону улицы, тихо ахала: «Вот гад!» Потом бабушка умерла, а Геннадий жил себе.

И теперь, значит, высокая блондинка Жозефина хочет меня поразить эффектным появлением. Наверное, думает, что от ее слов я упаду в обморок или нервно захохочу.

А у меня развод, Вениамин трубки не берет, Катерина Х. грибы сушит, Бук отобрали, Лисицкая с Майкой уехали, художник Шишкин умер непонятым, колокола звонят из окон второго этажа. Мне двадцать девять, я устала удивляться, да и не спала из-за перевода почти неделю.

– Очень приятно, – кивнула я и села в кресло для гостей. Жозефина Геннадьевна моргнула и опустилась в собственное кресло за столом.

– Окей, – сказала она. – Как-то слишком торжественно получилось, сорри. Все-таки столько лет ждала, понимаешь?

– Понимаю, – простила я и тоже легко перешла на «ты». – Половинку медальона можешь мне не отдавать.

– Ну мы же не близнецы, – хмыкнула Жозефина Геннадьевна.

– Да, просто однофамилицы. И эти, как их, одноотече-

ственницы?

– Самое смешное, так и есть, – она посмотрела на меня в упор. – Я хотела с тобой об этом поговорить. Никакие мы не сестры.

Так. А вот это уже интересно. Я только обрела сестру – вестимо, родную дочь Геннадия Козлюка, которую, в отличие от меня, он воспитывал и от которой не бегал по белогорским истоптанным улицам, – а она сразу же от меня отказывается!

– Нет, так не пойдет, – серьезно сказала я. – Ты сказала: «здравствуй, сестра», отвечай за свои слова.

– Я за эти слова тридцать лет отвечаю. Пора перестать. Никакой тебе папа не отец.

– Прекрасная фраза, кстати, – заметила филолог Антонина.

– Неважно. Поверь мне. Папа порядочный человек. Станный, но порядочный. Ты ведь даже не похожа на него. У тебя уши не оттопыренные. Так хочешь услышать правду?

Уши – это аргумент. Я внимательно оглядела уши Жозефины Геннадьевны. Они светились розовым на вечернем летнем солнце, которое пробивалось сквозь прикрытые жалюзи. Кажется, она спросила, хочу ли я узнать правду о Геннадии Козлюке и его ушах.

– Хочу правду, да. Только я не злюсь на твоего папу. И не претендую на его наследство или любовь. Тогда зачем это все?

– Давай съездим вместе в Белогорск, – предложила Жозефина. – На моей машине. Сейчас как раз пробки, я много что успею тебе рассказать по дороге. И если возникнут дополнительные вопросы, заедем к папе и зададим их. А потом спокойно к своей маме пойдешь. Ладно? Перевод я тебе заочно утверждаю – в знак доверия. Я тут главная по брошюрам и йогуртам.

И мы с Жозефиной Геннадьевной поехали на родину.

Поздно вечером я позвонила в мамин белогорский домофон.

– Кто-о? – пискнула дверь от имени мамы.

– Твоя дочь, – представилась я без особенной, впрочем, уверенности.

– Ой, – испугалась мама металлическим голосом. – Что-то случилось? Кузя спит уже.

– Все отлично, – уверила я. – Ты можешь открыть дверь?

– Точно ничего не случилось?

– А если случилось, не откроешь? – домофонный разговор затягивался. Хорошо, что бабушки, вмонтированные в лавочки, уже разошлись по домам.

Дверь протяжно запищала, и я в два прыжка оказалась на втором этаже. В руке у меня был пакет с пирожками, а на лице, думаю, выражение крайней решимости.

– Откуда пирожки? – завела мама светский разговор.

– Вопрос скорее в том, отчего у меня такие маленькие уши. А пирожки испек Геннадий Козлюк. Мы с ним и его

дочерью Жозефиной два часа пили чай. И теперь у меня к тебе есть пара вопросов.

– Ну вот, – вздохнула мама. – Тогда будем пить кофе.

Она очень долго грела воду в чайнике, потом минут десять шарילה по полкам, пытаясь нащупать там банку с растворимым кофе, но передумала и принялась искать турку, а к ней – кофе нерастворимый. Явно готовилась к беседе. Наконец красиво выложила пирожки на блюдо, села на край табуретки и уставилась на меня своими большими глазами.

– Ну, – потребовала я.

– Да что рассказывать, – отмахнулась мама, как будто речь шла вовсе не о двадцати девяти годах, проведенных мною во тьме неведения. – Гена тебе не отец. Мы с ним дружили в старших классах, он был сильно влюблен в меня. Безответно. Потом я уехала поступать в Ленинград, а он женился на другой нашей однокласснице. Я вернулась, родила тебя, он ушел от Ларисы и дал тебе свою фамилию и отчество, иначе бы меня заклевали белогорские сплетницы за то, что принесла в подоле из Ленинграда. Мы недели две прожили вместе, потом я опомнилась и выгнала его обратно в семью. Мы с бабушкой решили, что мне надо вернуться в институт, а тебе остаться с ней. Вся история.

– Бабушка не знала?

– Нет. Она думала, что он отец.

– То есть, что он гад. А он, получается, благородный человек.

– Угу, – легко согласилась мама.

– Как-то все у тебя просто выходит...

– Да мне всю жизнь стыдно. А когда долго стыдно, при-
выкаешь.

– Перед Геннадием?

– Перед Геннадием, что не любила, перед Ларисой, что увела, перед бабушкой, что соврала, перед тобой, что бросила. И перед Жозефиной – так ведь зовут девочку? – что устроила ей «Санта-Барбару» в белогорских декорациях. У нее ж небось только ленивый не спросил, почему она с сестренкой не общается. А ленивых в Белогорске мало, особенно когда дело касается чужой жизни.

– Это да. Жозефину жалко. Ей год был, когда он ушел, и год же – когда вернулся. Она и не помнит ничего, а забыть не дают. А вот в остальном тебе зря стыдно.

– Как это? – Мама вскинулась, стремясь защищать свое право быть главным злодеем Белогорска.

– Да так. Геннадий тебя любил и решения принимал сам. Лариса после той истории получила обратно мужа, и у них начался ренессанс в отношениях. До этого он с самой школы жил мечтой о тебе, а тут мечта сбылась, да как-то криво, и он пересмотрел всю свою жизнь. Стал отличным семьянином, купил дачу, дарит жене розы и возит на юг. Все у них хорошо, Геннадий даже веселый, оказывается, а Лариса смотрела на меня спокойно, без всякой злости. Идем дальше. Бабушке лучше было иметь нормального, понятного и осязаемого

врага из местных, чем призрачного гонщика из Питера. Так что все логично.

– Осталась ты, – криво усмехнулась мама. – Но здесь оправданий никаких. Бросила дочь, устроила ей детство в Белогорске и фамилию Козлюк.

– А сколько тебе было лет, напomini?

– Да какая разница. Двадцать.

– Двадцать лет, почти на десять меньше, чем мне сейчас.

Четвертый курс филфака. Опыт отношений – влюбленный Геннадий и призрачный гонщик. Что ж, я тебе, пожалуй, благодарна. Бабушке было хотя бы пятьдесят, а еще у нее была квартира, работа, здравый смысл и желание воспитывать ребенка.

– Но ты росла без матери до четырнадцати лет!

– И наверняка психолог, если бы он у меня был, страшно бы этому обрадовался и развил тему на пятьсот сеансов. Но – ты, конечно, не обижайся – у меня было счастливое детство. Я любила бабушку. И тебя тоже любила, и не чувствовала твоего отсутствия. Знала, что ты обязательно будешь в Белогорске на каникулы, на Новый год, на майские, готовилась, радовалась. И мы к тебе ездили на ночном поезде, и это тоже было приключение, праздник. Я помню квартиру, которую ты снимала на Петроградке, в ней предыдущие жильцы оставили старенькую деревянную лошадку с красным седлом. Я на ней каталась. Было здорово.

И тут я заметила, что мама жует пирожок с вишней и пла-

чет. До этого сидела вся прямая-прямая, с вытаращенными глазами, а тут потянулась к пирожку от Козлюка, откусила, и сидит вытирает слезы.

– Так, женщина-праздник, хватит реветь, – сказала я как можно мягче. Я до сих пор теряюсь, когда мама плачет, и мне почему-то в ответ всегда хочется ей нагрубить.

– Это я от радости, – всхлипнула мама. – Я-то думала, всю жизнь тебе испортила, а тут, а тут...

И она заплакала уже во всю мощь, покраснела даже, и правый глаз вытерла пирожком. Трогательная и маленькая такая. Точно сейчас начну грубить!

– Ну мам! Ты бы спросила, как мне понравилось мое детство, я бы давно поделилась воспоминаниями. Тогда уж сразу вдогонку вот что скажу: я дико рада, что узнала о Геннадии. Я-то думала, тебя в жизни никто не любил. А тут – сбежал из семьи, дал байстрючке Антонине свою фамилию. Большое чувство, настоящий мужик. Одна радость. Кстати, а где твой изобретатель Валерий? Давно его не видно.

– Выгнала, – заплакала мама счастливо. – В феврале еще.

– Н-да, мы и правда редко разговариваем...

– Вы, кстати, с Кузей в тот день были у меня в гостях. Ты еще рассказала, что Вениамин с тепленькой Катериной общается. А я Валере писала, чтобы забрал свою дурацкую вафельницу. Он ее годами пытался превратить в устройство для зимнего запуска «жигулей». Не превратил. Забрал. Уехал гордо на глохнущих «жигулях».

– Синхронно, однако, – улыбнулась я. Мне было так легко, будто это мою старую заскорузлую тайну открыли ко всеобщей радости. – Значит, обе начинаем новую жизнь. Без вафельниц. И безо всяких мужиков на букву В.

– Посторонним В., – сказала мама и сунула мне в руки пирожок. Она уже совсем не плакала.

5. Родственные уши

Рано утром я проснулась у мамы с одной явной и тревожной мыслью: надо прямо сегодня поговорить с Кузей обо всех переменах, которые нас с ним ждут. Конечно, мне удобно молчать как можно дольше. Но я и так слишком много всего делала как мне удобно – беременной работала, кормящей фрилансила, в полтора года оставила ребенка со свекровью и вышла в штат на полный день, а в три года отправила в детский сад. Конечно, я радовалась, что ему там сразу так понравилось. В первый садовский день Кузя спокойно и деловито пошел строить пирамидку, вместо того чтобы рыдать и проситься к маме, как другие дети. Но радовалась я скорее за себя – ура, ребенок пристроен и не страдает, можно спокойно выпускать журналы и выгадать себе целых десять часов взрослой жизни в сутки. Потом как-то незаметно семейная логистика выстроилась так: я забираю Кузю из сада один раз в неделю, а Вениамин – остальные четыре раза. Приходила я поздно, от командировок и пресс-туров не отказывалась. Иногда меня беспокоило, что Вениамин кормит Кузю пельменями и развлекает компьютерными играми, в которые играет сам же с ребенком под мышкой, но меня тут же кто-то отвлекал – издатель, редакция, довольные и недовольные герои статей, – и пельмени отходили на десятый план. Ребенок рос обескураживающе беспроблем-

ным. На обоях не рисовал, истерик в магазинах не закатывал, буквы выучил со свекровью, а читать научился сидя у меня на коленях и складывая по слогам мои рабочие СМС. Пара ОРВИ, краснуха, ветрянка, скарлатина, о которой мне рассказали уже после того, как я вернулась из командировки в Канны, – не хотели волновать. Бывали ангины, один раз подрался в саду с лучшим другом и выбил себе плечо, один раз упал ладонью на бутылочное стекло, заботливо оставленное на детской площадке алкоголиками, пришлось зашивать. Я жалела, обнимала, беспокоилась, дрожала в травмпункте, маниакально собирала потом все найденные на улице стекла и бросала их в урну с размаху. Но знала, что меня всегда подстрахуют – муж, свекровь, мама, воспитатели. По сути, я никогда не чувствовала стопроцентной ответственности за ребенка. А теперь все должно было измениться. Свекровь умерла два года назад. Вениамин жил в катерининской эпохе и не брал трубку. Работа закончилась. Кузины документы лежали в школе, куда он автоматически перешел после сада – они были объединены в один образовательный комплекс. Бедный мой малыш. Он разом лишился всего любимого и привычного – а для детей это синонимы. Ни папы, ни дома, где прожил всю жизнь, ни апельсинового диванчика, на котором удобно спать в обнимку с коалкой Жорой. Есть только мать между прошлым и будущим, которая толком не знает, что делать дальше.

Я вскочила с кровати, схватила мобильный, набрала но-

мер Вениамина, потом отправила ему сообщение: «Кузя скучает, позвони, пожалуйста». Подождала полчаса, листая ленту фейсбука. Вениамин – жаворонок. Он бы прочитал, если хотел.

Я пошла в ванную – вдруг, пока медленно принимаю душ, Вениамин ответит? – и не выходила оттуда, пока мама не начала стучать в дверь. Проверила мобильный – никаких новостей.

– Привет, Кузя, – сказала я, глядя ребенка по лохматой голове. – А я вот приехала.

Кузя, в отличие от Вениамина, сова. Мог бы спать, но заулыбался.

– Привет, – сказал. – У меня новое одеяло, я его зову «облачко».

Одеяло было легкое, а пододеяльник с дельфинами пах, как и обещал производитель кондиционера, океанским бризом. Минимум – морским.

– Давай вставать? – улыбнулась я. – Бабушка печет блины и последний обещала сделать в виде коалки.

– Ура, – Кузя в пижаме подскочил на кровати. Ребенок – сова, пока мир не обещает коаловых блинов! – Надо срочно умываться.

Мама на кухне пела, перевирая слова. Она, кажется, ни одной песни не знает наизусть – притом что стихи, хоть Мандельштама, хоть Тредиаковского, читает десятками и с выражением.

– Старый клен, старый клен, старый клен стучит к нам в дверь, – пела мама.

– В стекло! – возражали мы с Кузей, наслушавшиеся радио «Ретро FM», которое в этом доме выключалось только на ночь.

– ...нам в дверь, – невозмутимо продолжала мама, – приглашая нас с тобою на прогулку...

– С друзьями!..

– Отчего хорошо, хорошо с тобой, поверь, – переходила мама на полную отсебятину, при этом, однако, сохраняя рифму.

– Бабушка, там не так!

– ...оттого, что я иду по переулку.

– Ты идешь!..

– Я и пою – «я иду»! Кому блин с коалой?

Блин с коалой напоминал в лучшем случае блин с толстым котиком, но Кузю это не очень заботило. Он поливал коалокотика сгущенкой и был счастлив. А я сидела рядом и готовилась все счастье шести лет перечеркнуть.

– Сегодня день отдыха? – спросил сияющий Кузя, когда его отмыли от сгущенки.

День отдыха – это выходной день. По сути – день, когда я не иду на работу, Кузя так называл выходные лет с трех.

– Да, – пообещала я, и ребенок заскакал по комнате: день отдыха всегда был хорошим днем. – Только нам с тобой надо поговорить.

– Давай, – беспечно согласился Кузя и схватил коалу Жору и ежика Ежи. – А потом поедem домой?

– Кузя, мы не поедem домой, – я остановила его на ходу и попыталась усадить на диван. – Не поедem.

– Почему-у? – Я не знала, что у моего ребенка такие огромные глаза. Он всегда казался мне немного китайцем, только светленьким.

– Мы с папой разводимся. Ты будешь жить со мной, а к нему ездить в гости, – зачитала я сводку с полей.

Кузя заплакал сразу и коротко – лицо покраснело, слезы пролились сплошным потоком на коалу с ежом. Потом замолчал, вцепился в игрушки.

– У нас теперь очень хорошая квартира, большая. Там на балконе живет лохматая обезьяна с большими ушами (это правда. Тетя Света первым делом постирала ее в своей машинке).

Кузя молчал.

– Хочешь, мы поедem туда сейчас? Ты выберешь себе комнату. Там есть большие, маленькие и средние. А у меня кровать с шишечками.

– Нет.

– Не поедешь?

– Не-как-да, – произнес Кузя по складам. Он уже не плакал, просто был решительный, и нос становился все больше и краснее.

Теперь молчала я. По книжкам лучших психологов, пра-

вильная мать должна была сесть на корточки, чтобы быть с ребенком на одном уровне, обнять его, уверить в том, что мы с папой его любим, и спросить, что же он чувствует. Но я и так представляла что.

– Кузя, – позвала я. – Там все твои игрушки.

– А Кутузыч? – это был его красный плюшевый краб, храбро потерявший один глаз в детсадовской потасовке.

– Тоже там. Они пока в мешке, их надо разложить на подоконнике.

– Ладно, я поеду. Жить там не буду, разложу игрушки, и все, – предупредил Кузя. – А папа теперь живет с Катей?

– Да, – не удивилась я. – Ты ее знаешь?

– Мы были у нее в гостях. Она макароны готовила.

Макароны для Кузи даже лучше блинов. Жалко, что Вениамин не отвечает.

– Поехали тогда, – решила я. – Прямо сейчас берем Жору с Ежи и бежим на электричку.

– Мне нужно переодеть пижаму, – суровый Кузя, вдруг ставший взрослым, меня пугал. – Пойди скажи бабушке, что папа теперь воскресный папа и мы уезжаем.

Я думала, что ребенок начнет захлопывать дверь перед моим носом лет в тринадцать. Что ж, я сама решила развестьсь.

Маме на кухне я тоже мешала.

– Поговорила? – спросила она и включила воду на полную мощность, так что продолжать беседу стало бессмысленно.

Один переодевается в штатское, другая моет посуду – и оба по разным причинам не хотят меня видеть. Серый дымок тайн повис над нашей семьей. У кого-то отец теперь воскресный, у кого-то не Геннадий, а кто именно – спрашивать не хочется.

Я села в прихожей на тумбочку. Звякнул мой телефон. Неужели Вениамин?

Нет, это была Жозефина Геннадьевна Козлюк, обладательница уникальных ушей. Вчера мы опрометчиво задружились в фейсбуке, и теперь она написала мне сообщение: «Привет, еду из Белогорска в Москву, тебя подкинуть до метро?»

Мне хотелось с кем-то поговорить и не оставаться при этом с суровым Кузей наедине, поэтому я ответила развернуто: «Да, 10 мин».

Увидев у подъезда Кузю, Жозефина Геннадьевна закатила глаза, буркнула «Стойте здесь» и уехала. А вернулась через пятнадцать минут со стареньким детским сиденьем.

– Могла бы предупредить, – сказала она, застегивая на Кузе ремни. – Пришлось к Артуру заезжать.

– Артуру?.. – скорее повторила, чем спросила я.

– Это мой бывший муж, у него четверо детей, – объяснила Жозефина и добавила: – Не моих.

Пристегнутый Кузя сразу отвернулся к окну и замолчал. Зато Жозефина была разговорчива.

– Я после школы пыталась поступить на химфак МГУ, но недобрала один балл и от неожиданности вышла замуж за одноклассника. Продолжила, так сказать, дело родителей, – усмехнулась она и тут же тихо, с достоинством обругала подрезавшего ее таксиста. – Год проучилась в педсе, потом все же поступила на свой химфак, стала жить в общежитии на Ленгорах, а по выходным приезжать к мужу. Он меня всегда встречал с одной и той же поздней электрички в пятницу. Однажды Артур, как обычно, пришел, а я не приехала. Он меня искал, бегал по пустым вагонам, кажется, даже с милиционером. Моим родителям звонить не стал – боялся напугать. Утром все-таки пошел к ним, и дверь ему открыла я. До сих пор помню его лицо... Потом мы развелись, и в том же году он женился на очень хорошей девушке Насте. У них теперь дети, дом, красиво. Прекрасная пара. Представляешь, любят Белогорск. И общаются со мной, что уж совсем удивительно.

– По-моему, ты самое интересное не рассказала. Что ты делала у родителей?

– Пряталась, что же еще, – тут она перешла на шепот. – Влюбилась в Москве и не хотела ехать к мужу. Не смогла себя заставить. На автобусе добралась до Белогорска и потом огородами – в отчий дом. Да, я чудесный человек.

– Похоже, и правда неплохой, – поспорила я. – Так трогательно рассказываешь об Артуре и Насте. Радуетесь за них.

– Это я себя так, наверно, оправдываю. Типа молодец, Жо-

жефина, так удачно развелась! – Ее уши стали краснеть.

– А моя мама только сейчас разводится, – похвастался вдруг Кузя с заднего сиденья. Я и не знала, что он следит за нитью повествования.

Жозефина Геннадьевна могла отреагировать как угодно. Выронить руль, например. Плотно улыбнуться – мол, не она одна тут разбитная разведенка. Сделать Кузе замечание, чтобы не вмешивался в разговоры взрослых. Или припомнить еще разок нашу темную семейную историю. А она сказала: «Очень жаль, малыш».

И я ее в этот момент полюбила.

Но мы уже подъехали к метро, надо было отстегивать Кузю и везти его в новую жизнь.

– Слушай, – сказала я, закрыв и снова открыв пассажирскую дверь, – почему тебя называли Жозефиной?

– Была такая Жозефина Бейкер, американо-французская танцовщица и актриса. Папа где-то про нее прочитал и очень впечатлился. А потом еще и Крис Ри выступил со своей Josephine.

– Надо же, мы писали о Жозефине Бейкер в последнем номере нашего закрытого журнала. Она, говорят, умерла от радости – вечером танцевала на столе, а утром у нее случилось кровоизлияние в мозг. А еще в честь нее назван какой-то кратер на Венере.

– Ну вот, – засмеялась Жозефина. – Значит, кратер на Венере и я.

Потом мы с Кузей смотрели, как она вырубивает с неудобного пятачка, заменяющего парковку у метро, и пытается выехать на полосу, но ее никто не пропускает. Никогда не стану водить машину в этом городе.

– Мам, – спокойно сказал Кузя, когда «опель» Жозефины Геннадьевны все-таки слился с потоком и исчез из виду. – А я там коалку Жору забыл.

– Ой. Где там? У бабушки?

– Нет, в машине у тети Же. Но думаю, ничего страшного, она привезет его к нам домой, да?

Я не знала точно, занимается ли тетя Ж. доставкой коал, но что-то мне подсказывало: занимается. А еще я заметила, что Кузя повеселел. И сказал про Нехорошую квартиру «к нам домой». Тогда повеселела и я.

– Позовем ее в гости? – Я протянула Кузе руку, и он вроде не противился, даже переложил одинокого Ежи под мышку с другой стороны, чтобы удобнее было идти.

– Можно, – сказал Кузя басом. – С ночевкой?

– Это уж я не знаю.

– Ты говоришь, в нашей квартире много комнат. Значит, теперь у нас все будут всегда ночевать.

Опять – «в нашей», «у нас». Ночевать пока было особо некому, но жаловаться на это шестилетнему пророку я не стала. Повела его в метро, а вскоре уже показывала обезьяну с ушами, мешок с игрушками и кровать с шишечками.

– Если хочешь, я тебе эту кровать отдам, – пообещала

я, чтобы только ребенок согласился остаться в Нехорошей квартире и не плакал больше никогда.

– Нет, я вон тот диван хочу, – сообщил Кузя и в доказательство начал на нем прыгать.

– Точно?

– И-вот-э-ту-ком-на-ту, – пропрыгал он уверенно.

Кузя выбрал светлую комнату на левой стороне, с большим окном, выходящим на Садовое. У стены стоял рыжий диван, кстати, очень удобный, под ним лежал желтый коврик – в общем, пожалуй, это была самая жизнерадостная комната. Хорошо, что именно она понравилась Кузе. Только пустовата и, может, из-за машин по утрам будет шумно – но детей такие скучные подробности обычно не волнуют.

Часа два Кузя разбирал игрушки, рассаживал их на широком подоконнике. Ушастую обезьяну он, конечно, усыновил и назвал Чу. Краба Кутузыча записал ей в лучшие друзья. Потом мы сходили в соседнее кафе, где Кузя заказал макароны, а на десерт – блинный торт. Это были первые макароны и вторые блины за день, так что день в итоге оказался вполне счастливым. Вечером мы поиграли в «свинтуса», посмотрели мультики с моего ноутбука – чего-чего, а телевизора ни в одной из многочисленных комнат не было, – а в довершение всего обнаружили в квартире выход на черную лестницу! Дверь нашел Кузя, и он же разобрался с замком, каким-то чудом его открыл и был весьма собой горд.

– Там тоже есть диван, – рассказывал он мне возбужденно,

хотя я и сама только что все видела. – Но очень старый. И темно.

– Поэтому и называется «черная лестница», – поиграла и я в капитана Очевидность.

– Ничего, я вкручу лампочку, и будет Белая лестница, – пообещал Кузя, окрыленный успехом.

Место для лампочки на лестничной клетке действительно было. А еще, похоже, туда давным-давно никто не выходил. Интересно, кто вынес на черную лестницу этот одинокий, продавленный, но зато кожаный диван? Не художник ли Шишкин?

Теперь нас с Кузей объединяло тайное знание о Нехорошей квартире. Даже тетя Света, похоже, о дополнительном входе-выходе не подозревала. За вечерними сосисками, которыми я решила окончательно задобрить ребенка, Кузя предлагал все новые и новые идеи по обустройству Белой лестницы. На версии «мини-зоопарк с годзиллами и гориллами» мы решили пока остановиться. Я постелила Кузе в новой комнате старое, привычное, захваченное из Вениаминовой квартиры полосатое белье, почитала книжку про Карлсона, спела песню про снежного человечка. Немного боялась, что, как только я замолчу, ребенок опять заплачет или спросит что-нибудь про папу. Но Кузя заснул еще на втором куплете «человечка».

Я пошла на кухню, поставила чайник, посмотрела сообщения в телефоне.

«У меня ваш коал, – написала Жозефина Геннадьевна Козлюк и приложила фото Жоры, висящего на настольной лампе. – Ведет себя хорошо, бессовестно ест пряники».

6. Мама-анархия

Август начался со звонка мамы, которая ненадолго пропала с радаров после разоблачающих бесед в Белогорске.

– Я тут подумала, – начала она без предисловий, – отдай мне своего Бегемота.

Бегемот, напомню, – это моя машина, на которой я не езжу. Она так и осталась во дворе уркиного дома, куда ее поставил Лисицкий.

– А у тебя есть права? – уточнила я, стараясь не удивляться.

– У меня теперь есть права и новая работа, – деловито сообщила мама. – В Москве. Так что машина будет очень кстати.

В белогорской библиотеке мама проработала со смерти бабушки, то есть, сколько там – пятнадцать лет? И за эти пятнадцать лет от нее ни разу не поступало столько новостей сразу.

– ...А еще мы с Кузей четырнадцатого едем на Кипр, я купила путевку. Сделаешь согласие на выезд? – продолжала она, как казалось, по заранее составленному списку. – Я тут недалеко, за машиной приеду часа в два, потом вместе к нотариусу, а потом – на юбилей к дяде Вите.

– Мам, остановись! – взмолилась я. – Какой Кипр, какой юбилей!

– Шестьдесят лет, – сердито уточнила мама. – Я тебе говорила еще в марте.

– Да с марта как раз и прошло шестьдесят лет. Я не собираюсь ни на какой юбилей, тем более к родственникам.

– Витя – мой единственный брат, – выдала мама, как ей казалось, железный аргумент. – А что, у тебя планы?

Планы были. Уложить Кузю, смотреть сериал, читать в фейсбуке группы с вакансиями. У мамы, кажется, теперь куда более интересная жизнь.

– Давай я тебе пока пообещаю Бегемота и нотариуса, – поторговалась я. – Приезжай к нам на «Курскую», посидишь с Кузей, пока я сделаю согласие в соседнем доме, потом вместе за машиной. Может, Вениамина встретим на районе.

– Буду в четырнадцать ноль-ноль, – по-военному закончила мама разговор.

Пока я сидела в очереди у нотариуса, позвонила тетя Ира, жена юбиляра дяди Вити, – в истерике.

– Антонина, это крайне невоспитанно – не прийти на юбилей своего же дяди! Соберутся все Яворские, а единственной племянницы, значит, не будет?

– Так я не Яворская, я Козлюк, – спокойно возразила я.

Когда единственная племянница разошлась с мужем и собиралась после 28-го числа жить на улице, тетя Ира тоже позвонила. Чтобы сообщить, что они до августа уезжают на море в Черногорию, но в их квартире на Кутузовском, к сожалению, ремонт, так что пожить там, увы, не получится. За-

чем она вообще звонила, непонятно – я совсем не собиралась просить их о помощи.

– В общем, мы все-таки надеемся, что вы приедете, Илья очень ждет Кузю.

Илья – это Илюха, сын дяди Вити и тети Иры. Он, по моим подсчетам, в лихом пубертате и никакого шестилетнего Кузю, конечно, не ждет.

– Тетя Ира, тут моя очередь у нотариуса подходит, я перезвоню, – сказала я.

– Я просто Ира, – захохотала вдруг она кокетливо и громко, я даже от трубки отшатнулась. – Мы вас ждем!

Тетя Ира – вторая, «молодая» жена дяди Вити. Вообще-то она уже давно не девочка, но привыкла считать себя юной феей при старом муже и никак из этой роли выходить не хотела. Рассказы о том, как у нее в магазине проверили паспорт при попытке купить алкоголь, затягивались, как и ее воображаемая молодость.

От нотариуса я брела переулками, грустная. Теперь не пойти на юбилей означало спровоцировать семейную драму. Одно дело тихо забыть и забить, другое – демонстративно не явиться после звонка хозяйки вечера. Я вдруг разозлилась на маму. Это ведь она натравила на меня тетю Иру. В жизни мы не посещали семейных сборищ, а теперь вон как заговорила – «это мой единственный брат»! Мама вообще была какая-то другая. У нее даже голос разом изменился, не говоря о жизненных обстоятельствах. Водительские права, работа

в Москве (которой у меня, кстати, нет), Кипр. Атлант расправил плечи, как только тайна Геннадия перестала на эти плечи давить. А ведь я сама громко прощала маму и убеждала ее забыть о прошлом и жить дальше. Вот она и зажила. И совсем не виновата, что у меня это получается хуже.

– Дур-р-ра! – услышала я. – Мор-рда стр-р-рашная!

В целом я была, конечно, согласна, но хотела понять, кто зачитал обвинительный приговор. Я огляделась: никого опасного. Две девушки в розовых форменных халатиках курят у вывески «Салон красоты Люкс Плюс». Но они тут постоянно курят, я к ним уже привыкла как к части пейзажа. Обе со сложными разноцветными прическами, ярким маникюром и стразами на ногтях. Видимо, клиенты в салон «Люкс-Плюкс» заходят редко, вот и приходится тренироваться друг на друге.

– Кор-р-рова! – раздалось совсем рядом. – Др-р-рянь!

– Это вы мне? – уточнила я на всякий случай у курящих парикмахерш.

Девушки без улыбки взглянули на меня из-под кудрей.

– Попугай это, – нехотя объяснила одна. – Администратор наша принесла на работу. Он у нее дома всех достал.

– Обзывается постоянно, – подхватила вторая, поприветливее. – И еще орет потом: «Я пр-равду говор-рю, я за пр-равду постр-радаю!»

– Диссидент, – посочувствовала я.

– Да нет, вроде порода называется жако, – неуверенно ска-

зала первая. – Серый такой. А вы, девушка, не хотите на брови зайти?

– Куда зайти? – не поняла я.

– На брови. Сделаем вам форму, коррекцию, красочку наложим. А то вон они у вас какие... – Она покрутила сигаретой в воздухе, изображая мои неидеальные брови.

Дома меня ждала мама с возом аргументов в пользу семейного застолья. А за дверью салона красоты – попугай-диссидент с пессимистичным взглядом на мир. Вы бы кого выбрали?

Через полчаса я уже прощалась с попугаем и сотрудниками салона. Брови мне нарисовали знатные – ими можно было, если что, отбиваться от хулиганов в подворотне, как самурайскими мечами.

– Бер-реги себя, – сказал мне попугай и нахохлился. – Дур-р-рында.

– Они вообще-то до семидесяти лет живут, – сказала грустная тоненькая администратор, кивая на серого грубияна. – Но этот столько не протянет. С таким-то характером.

Я помахала попугаю рукой, он в ответ засунул голову в колокольчик – как будто шапочку из фольги надел.

Пока я ходила по нотариусам и салонам, мама успела приготовить нам с Кузей обедов и ужинов до самого четырнадцатого числа, вымыть ванную и превратить ее в Версаль, а заодно переосмыслить свое отношение к семейным торжествам.

– Не ходи на Витькин юбилей, – разрешила она. – Нечего там делать. Я тут с Ирой поговорила по телефону и вспомнила, какая она дура. А тебе еще работу искать, насмотришься на идиотов.

– Спасибо, – обрадовалась я. – Кстати о работе, а ты-то куда устроилась?

– Да в твой институт, – мама махнула рукой в сторону черной лестницы. – Опять буду преподавать литературу.

До МГУ я год проучилась в педагогическом институте – как и сестра моя Жозефина Геннадьевна Козлюк. Я вспомнила о ней и загрустила – она так и не привезла коалку Жору и вообще пропала. А я-то успела намечтать, как мы с ней будем пить чай в Нехорошей квартире...

Зато мы отлично напились чаю с мамой и Кузей. А потом стоняли за шампанским (Кузе досталось детское, с белыми медведями на этикетке) и еще немного напились, забыв, что кто-то из нас еще должен садиться за руль. В итоге за машиной мы так и не поехали, а на юбилей единственного брата мама явилась подготовленной, дерзкой и, по отзывам, имела там успех.

Я же, как и планировала, уложила Кузю спать, посмотрела пару серий «Аббатства Даунтон» и написала, наконец, пост о поиске работы в фейсбук. Написала и села ждать.

7. Серые будни

Реакция на мой пост в фейсбуке превзошла самые смелые ожидания. Точнее, просто ожидания – смелыми они вовсе не были, потому что я трус и самооценка у меня нулевая.

Опять оказалось, что у меня есть друзья. Виртуальные, но добрые, готовые помочь и что-то такое тайное обо мне знающие. Они репостили мое объявление и сопровождали его пирамидами лестных слов. Если до сих пор я пыталась наскрести уверенность, перечитывая собственное резюме, то теперь переключилась на чужие посты обо мне.

«Настоящий профи».

«Лучший главред, с которым доводилось работать».

«Гуру заголовков и ювелир текстов».

Даже – «портативный генератор контента».

Это все я, Антонина Геннадьевна Козлюк, ценный кадр.

«Тоньк!» – первое сообщение пришло через три минуты после публикации объявления. Я не сразу поняла, что такое «тоньк!» – звук камешка, плюхающегося в воду? Оказалось – мое имя в исполнении незнакомой девушки из фейсбука. «Тоньк! Есть крутой амбициозный стартап – портал о темноте. Нужен человек с горящими глазами. Ты с нами???»

Следующий месяц я опять помню плохо. Тогда мне казалось, что часы идут так медленно, а каждая минута доставляет столько страданий, что их я точно не забуду никогда.

Но моя упрямая память сохранила лишь пару сценок из того театра абсурда, в котором мне приходилось играть.

Помню офис практически дверь в дверь с храмом Христа Спасителя и капризную женщину по фамилии Безбожная, которая хочет открыть портал про ЗОЖ и ищет главного редактора. Она смотрит на меня недоверчиво и говорит нараспев:

– Я в журналистике ничего не понимаю и свои мысли выражаю пло-охо. Хочу быть душо-ой нашего портала.

– Хорошо, – соглашаюсь я, готовая уже торгануть собственной душой.

– Портал должен быть интеллинге-ентным. Поэтому я вас и пригласи-ила.

– Замечательно, – киваю я, радуясь, что, может, обойдется и без душеторговли.

– Интеллигентный такой хочу ЗОЖ, – повторяет Безбожная. – Не про лопаты писать, а про вумбилдинг, например.

Чтобы поспокойнее реагировать и не сболтнуть лишнего, я начала записывать в телефонные «заметки»: «Интеллигенция, лопаты, вагины».

А томная Безбожная продолжала:

– Еще хочу рубрику «Удово-ольствия».

– Флоатинг, например? – козырнула я модным словом.

– Не-ет. Вдохновляющие всякие исто-ории. Вот моя подруга взяла из приюта собаку на трех ногах, вышла с ней ночью погулять и встретила свою судьбу.

«Три ноги, судьба, удовольствие», – записала я.

– ...А пианист Денис Мацуев очень любит свой рояль!

– На трех ногах? – уточнила я, рискнув пошутить.

Больше из ближайшего к Богу офиса мне не звонили.

Зато пригласили на собеседование в серое здание с разбитыми стеклами на диком юге Москвы. Добиралась я туда полтора часа. На метро, на троллейбусе, потом на «корпоративном автобусе» до КПП, где мое лицо долго сверяли с фотографией в паспорте. Собеседовали меня на пустом втором этаже, в маленькой комнате с бетонным полом. Два агрессивных дядьки в свитерах пятидесяти оттенков серого были по очереди мной недовольны.

– Журфак – это не образование! – горячился один, в земляном свитере. – Когда я работал в «Коммерсанте», мы вообще не брали никого с журфака.

– Читал я ваш журнал, – нависал надо мной второй, в свитере оттенка «грозовая туча». – Очень слабо, очень! Личность Никиты Михалкова совсем не раскрыта в интервью.

– Это было бы трудно, – согласилась я. – Потому что мы не брали интервью у Никиты Михалкова.

– Вот и плохо, девушка! – отечески качал головой Землистый.

О том, что за портал они хотят открыть на втором этаже, дядьки мне толком так и не рассказали. Сообщили лишь, что это будет масштабный проект, главная задача которого – зарабатывать деньги, поэтому им и приходится искать в ко-

манду «человека-женщину из мира глянца». Меня то есть. На прощание Туча дал тестовое задание: «Подумайте, что вы можете дать нашему проекту и изложите это на обычном листе А4. Знаете, что такое лист А4? И придумайте пятьдесят тем на первое время. Только без всяких там “ста двадцати способов выйти замуж”». А Землистый мрачно разглядывал свои ногти.

Потом был позитивный Сергей из фейсбука, который слал неконтролируемые потоки эмодзи и только иногда писал словами: «Ой, я чихнул! Так прикольно!» Сергей был богатый, торговал недвижимостью и поэтому встречи всегда назначал в разных офисах. Общую концепцию его будущего тревел-портала мы обсуждали на «Белорусской», структуру – на «Киевской», а целевую аудиторию – на «Проспекте Мира». Сергей явно тяготел к кольцевым станциям метро, поэтому я прозвала его Властелином Колец. Он к тому же был маленький, волосатый и в очень больших кроссовках.

– Антонинушка! – радовался он в фейсбуке. – У меня гениальная идея! (Много эмодзи.) На нашем портале должна быть информация обо всех странах мира! (Еще больше эмодзи.) И к каждой стране нужно придумать или найти стихотворный эпиграф! (Хохочущий котик.)

Я почти простила Властелину его милое «или найти», но потом он захотел, чтобы мы полностью приводили в статьях весь Уголовный кодекс каждого государства и зарисовывали в подробностях его транспортную сеть. Я перестала отвечать

на сообщения Сергея, когда он после трехнедельных и почти круглосуточных обсуждений прислал мне презентацию проекта. В презентации была одна страница. На ней стояло название портала и указывалась целевая аудитория: «Человек Мира!!! 16–78 лет». Иллюстрацией служила фотография улыбающегося Властелина на фоне олимпийских колец.

Все остальные порталы, в которые меня пытались затянуть их создатели, слились в один – темный, безнадежный и явно ведущий в ад. Я втайне мечтала, что люди, которые производят столько безумных идей, в итоге трансgressируют через свои порталы в другую, более подходящую им реальность, а меня наконец-то найдет нормальная работа. В издательском доме. В настоящей редакции. С людьми, которые знают, что такое лид, умеют проводить планерки и не считают смешным слово «выпред».

Я скучала по Буку и предавала его. Мне больше не казалось, что мы делали такой уж прекрасный журнал. «Notebook? – переспросили меня на одном из собеседований. – Это о компьютерах, что ли?»

Дурацкое название, дурацкая концепция, дурацкий главный редактор. Ну о чем я думала? Кому нужны длинные интервью шестидесятников на дорогой матовой бумаге, когда все тексты, а за ними и журналисты, слились в интернет? Следовало развивать сайт и соцсети, искать новые формы, отказываться от ветхозаветных представлений о структуре материалов и заголовках... Так мне и надо. «Лучший

главред» без редакции. «Настоящий профи» без будущего. «Ювелир текстов», готовый сдать душу в ломбард за три рубля, да не берут.

Я сидела на подоконнике в Нехорошей квартире и смотрела в телефон вместо окна. Ждала ответа из журнала о путешествиях, единственного настоящего, реально существующего издания, которое изволило мной заинтересоваться. Они искали литературного редактора со ставкой в три раза меньше той, что у меня была в Буке. Я писала тестовое задание прямо у них в переговорке – три часа редактировала от руки текст о пустыне Намиб. Очень старалась и очень надеялась. Ничего, что зарплата маленькая – доберу фрилансом. Только бы взяли, только бы закончился морок этого жуткого августа! Я все обновляла и обновляла почту в телефоне. Пусто.

Мама с Кузей уехали на Кипр. Хорошо, что они сейчас видят синее море, а не мое серое, как свитер, лицо. И зачем те дядьки носят свитера в августе, господи?

«Мы купили дом в Эстонии!» – написала Лисицкая из Питера.

«Мы женимся в сентябре!» – написала Майка из Флоренции.

«К сожалению, мы выбрали другого кандидата», – написали из журнала о путешествиях.

«Если вы не находите работу в течение полугода, грош вам цена как специалисту», – сообщил известный бизнес- и

лайф-коуч в фейсбуке.

Я медленно слезла с подоконника, дошла до кухни, там прислонилась к холодной стене, сползла по ней и ударилась копчиком о плинтус. Из-под плинтуса торчали остатки моей профессиональной гордости и внимательно меня разглядывали.

На телефон пришло сообщение. Дважды одно и то же. «Удалилась с фейсбука, потом объясню. Этот номер дал наш папа Геннадий, а ему твоя мама. Коал все еще со мной, можно мы приедем сегодня?» И подпись: «Твоя сестра Ж.».

8. Дарьина роща

Когда пьяная и неустойчивая Жозефина Козлюк позвонила в дверь Нехорошей квартиры, мой копчик почти не болел, а остатки гордости я вымела из-под плинтуса в рамках терапевтической уборки помещения.

– Добрый вечер, – сказала светская дама Жозефина. – Какой у вас прекрасный дом.

И икнула.

– Спасибо, – я тоже была ничего, воспитанная. – Проходите, пожалуйста.

Я забрала у Жозефины из рук коалку Жору и коробку с тортом «Сказка». Жору отнесла Кузе в комнату, торт поставила в холодильник. Бутылку вина, которую гостья также захватила с собой, я аккуратно и незаметно опустила в корзину с бельем. Virtuозно прятать лишнее спиртное я научилась, еще когда жила в одной квартире с алкоизобретателем Валерием.

– Хотите чаю? – продолжила я салонную беседу и, придерживая Жозефину за локоть, отвела на кухню и усадила за стол.

– Лучше кофе, – жалобно попросила она. – Двойной американо.

– Карточка «Магдалина» у вас есть? Десертик заказать не желаете? – Я увидела, что Жозефина не столько пьяная,

сколько уставшая и расстроенная, а значит, сможет реагировать на шутки.

– Желая пельменей с соевым соусом, американо и аспирина.

Удивительно, но все это в моем доме нашлось. И даже растворимый витамин С в дополнение к аспирину. Я пошла варить пельмени и кофе, пока Жозефина играла с бутылкой соевого соуса и рассказывала мне свою историю.

– В общем, я тут рассталась. С человеком.

– С хорошим?

– Думала, что да. А он теперь из моей квартиры выезжать отказывается. Говорит, что сам там клеил обои и теперь имеет право находиться в данном помещении.

– Прямо такими словами и говорит? Мне как филологу это больно слышать.

– А уж какие слова он писал обо мне в фейсбуке, тебе как филологу точно лучше не знать. Пришлось мне оттуда удалиться.

– М-да. И долго вы... долго он клеил обои в общей сложности?

– Год вместе жили. Никак не ожидала, что он может так поступить. Я купила эту квартиру, мы праздновали, бенгальские огни жгли, кошку одолжили у соседей, а потом и свою завели. Я радовалась – мое первое собственное жилье. Думала, буду приезжать к себе домой, а там меня ждет родной человек. Человек и кошка.

Жозефина заплакала теми же слезами, что я месяц назад плакала из-за пирожного «картошка». И голову уронила на стол, как Кузя делает, когда сильно огорчен.

Я твердой рукой выложила в миску пельмени, полила их соевым соусом, поставила перед Жозефиной вместе с большой кружкой кофе и рядом положила маленькое имбирное печенье с листиком.

– Давай ты поешь, протрезвешь, и мы поедem в твое Бутово.

– А я говорила, что живу в Бутово? – заморгала Жозефина, подняв со стола голову.

– Нет, но вижу, я угадала.

– Не совсем. Технически это не Бутово, а поселок Коммунарки. Улица Потаповская Роща. Там, кстати, красиво, и не такая уж жопа мира...

– Ты прирожденный экскурсовод. Ешь, пожалуйста, пельмени, и поедem в твою рощу мира.

Жозефине Геннадьевне повезло наблюдать редкое природное явление: ураган «Антонина».

Дело в том, что я вообще-то не люблю конфликты, боюсь их и всячески стараюсь обойти, как грязный бизнесмен – налоги. Это, кстати, наглядно показал мой развод с Вениамином. Мне реально проще полчаса поговорить с человеком на балконе и уйти с кастрюлей на голове и ребенком на руках, чем ругаться, отстаивать свои права, бегать по судам и делить диваны. Но раз примерно в десять лет где-то на севере

ре, должно быть, всходит кровавая звезда, и в меня вселяется дух Вселенской Справедливости и наполняет невиданной злой силой. Для этого достаточно, чтобы кто-то мерзкий при мне обидел кого-то слабого. Тогда вместо неконфликтной и трусливой Антонины обидчику вдруг является бесстрашная скво, миссис Хайд и миссис Халк в одном лице. В прошлый раз не повезло первокурснице. Я тогда вышла за Вениамина и съехала из общежития. А она въехала – на мое место, и пока Майки и Лисицкой не было дома, перетаскала их вещи в угол, а свои, наоборот, расставила. И тут в гости к подругам заглянула я. С первокурсницей была мама, но ураган «Антонина» это не остановило. Пока испуганная Майка с возмущенной Лисицкой топтались в дверях, я встала руки в боки, открыла рот и задвинула речь минут на десять. Смысл ее сводился к тому, что если первокурсница сейчас же не приведет комнату в первозданный вид, до второго курса может и не дотянуть. Из всей речи я помню только часть, обращенную к матери малолетней оккупантки: «Вы уедете домой, а ваша дочь останется здесь совершенно одна. Подумайте об этом». Все это я произнесла тихим, хорошо поставленным голосом. Майка утверждает – зловещим. Когда я вышла из транса, первокурсница с мамой уже быстро, как на фастфорварде, собирали свои вещи. Лисицкая и Майка давились смехом и тихо аплодировали. Я стояла вся красная и вроде бы даже вращала глазами. Повторить на бис потом не смогла, как подруги ни просили.

И вот в день, когда мне отказали в журнале о путешествиях, а Жозефина явилась в гости и расплакалась на столе, кровавая звезда, похоже, снова вошла. И повела меня своим алым лучом на улицу Потаповская Роща.

В такси я была воинственна, а у подъезда Жозефениного дома немного замедлилась. А вдруг человек, который клеил обои, – двухметровый бородатый байкер в татуировках? Жозефина высокая, а значит, ее мужчина тоже может быть крупной особой. На всякий случай я поискала взглядом на парковке мотоцикл, но вроде бы не было. Ладно, справлюсь. В крайнем случае убегу. Или закричу. Или начну читать стихотворения Роберта Фроста на английском, чтобы всех запутать. Мы поднялись на третий этаж, Жозефина молча топала за мной и пыхтела. Пельмени придали ей физических сил, но не моральных. Я позвонила в дверь и замерла. Ну вот, сейчас получу от волосатого дяди рулоном обоев по голове...

Дверь открылась резко, как будто нас давно ждали. На пороге стояла скуластая девушка в майке с изображением девочки из «Звонка» и дерзко смотрела на меня снизу вверх. Роста в ней было метра полтора.

Ничего себе. Значит, Жозефинин бывший не просто отказывается съезжать, он еще и женщину привел, маленькую, но настоящую.

Воинственность моя вернулась.

– Рада познакомиться, – сказала я, хотя никто со мной и не думал знакомиться. – Вы, должно быть, хозяйка дома?

– Угу, – произнесла маленькая женщина и зачем-то выпустила хвостик, в который были собраны ее темные волосы. Получились две девочки из «Звонка». – А вы?

Настоящая хозяйка квартиры, Жозефина Геннадьевна Козлюк, понуро молчала, согнувшись почти пополам, и смотрела в сторону.

– Я часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо, – представилась я, сгоряча перепутав Фроста с «Фаустом».

– Ах ты дрянь! – закричала вдруг полутораметровая Жозефине. – Подружку уже привела!

Жозефина быстро-быстро заморгала и сделала два шага назад. Маленькая женщина села на корточки и зарыдала.

– Пойдемте в дом, – попыталась я урезонить обеих. – Поговорим там напрямую с человеком, который клеил обои. Это же, в конце концов, дело семейное. Да и как-то не круто мужчине прятаться в глубине пещеры, пока мы в коридоре разборки учиняем. Или его дома нет?

– Он Дарья, – сказала Жозефина первые слова с тех пор, как мы вышли из такси.

– Что Дарья?

– Человек этот – Дарья. Который обои, – уточнила Жозефина. – Она не мужчина. Она вот сидит.

И указала на плачущую маленькую женщину.

– А-а, – произнесла я, как будто именно этого и ждала. – Тогда ясно. Человек-Дарья. Но сути это не меняет во-

обще-то. Давайте все встанут с пола и пойдут разговаривать как взрослые люди? Я, кстати, сестра Жозефины, а не подруга. Если вам, Дарья, интересно.

Дарье было интересно. Она встала на ноги – общий рост, правда, сильно не изменился – и гордо шмыгнула носом:

– Антонина, что ли? И ночевала она у вас?

– Именно так, – наполовину соврала я и вздрогнула: в ноги мне ткнулось что-то гладкое, горячее и вибрирующее. Оказалось – огромная лысая кошка. Она была розовая, ушастая и глазастая и хотела ласки, все терлась об ноги. Превозмогая ужас, я погладила ее по спине. Ощущение – будто глажу живой замшевый диван.

Ну что ж, байкер оказался женщиной, кошка – лысым диваном, но в целом все не так уж плохо. Узнав, что я ей не конкурентка, а Жозефине не любовница, Дарья приободрилась и согласилась на переговоры. Девушки пошли на кухню беседовать, а мы с кошкой сидели в единственной комнате на диване – слава богу, не замшевом, а обычном, синем, икейском. Каждая стена в комнате была поклеена разными видами обоев, совершенно между собой не сочетающимися. Кошка грелась об меня, топтала тяжелыми лапами мои колени и что-то пыталась доказать утробным мяуканьем.

– Что, у тебя тоже жизнь не удалась? – спросила я.

– Мрау, – поделилась кошка, и светло-серые глаза ее были полны печали.

С кухни доносился звонкий голос Дарьи и изредка – низ-

кое бормотание Жозефины, которая явно не была сильна в выяснении отношений.

Наконец обе вернулись. Дарья – заплаканная и грустная, Жозефина – смущенная и бледная, но вроде довольная.

– Я пойду собирать вещи, – сказала она.

– Ты? – удивилась я. Вроде бы миссия имела противоположную цель.

– Дарья просит время до сентября, чтобы найти квартиру и съехать. Я согласилась. Поживу пока в Белогорске у родителей.

– Так на работу добираться неудобно!

– Можно подумать, отсюда удобно, – возразила Жозефина.

Дарья вскинулась и демонстративно проследовала в ванную. Кошка, побежавшая было к хозяйкам, снова прыгнула мне на колени. Наверное, я казалась ей островком стабильности в море человеческих драм.

– Ее я тоже уступлю Дарье, – кивнула на кошку Жозефина и мстительно добавила: – А обои потом обязательно переклею!

Поехали мы, конечно, не в Белогорск, а ко мне в Нехорошую квартиру. Жозефина взяла с собой большой чемодан офисных костюмов, ноутбук и косметичку размером с рояль. Улицу Потаповская Роцца мы покинули молча. Дарья нас провожать не вышла, а кошка тоскливо смотрела огромными глазами, как на предательниц.

– Можно я посплю у тебя? – спросила Жозефина, втащив чемодан в прихожую.

– Ну а где еще, мы же сюда приехали, – не поняла я.

– У тебя в комнате. На раскладушке или на полу.

– Так здесь еще сто комнат, выбирай любую.

– Я плохо сплю на новом месте и буду всю ночь рыдать, а завтра на работу. А при тебе постесняюсь и усну.

Я как раз сама собиралась всю ночь рыдать из-за того, что мне на работу не надо. Может, Жозефина права и вдвоем будет если не веселее, то спокойнее. Я пошла искать ей раскладушку и белье.

Ночью мама, поймавшая в лобби отеля вайфай, прислала мне фотографии веселого Кузи на море и в аквапарке. Сказала, что купила пять бутылок оливкового масла. Спросила, нашлась ли работа. Я ответила: «Нет, зато нашлась сестра Ж.». «Так даже лучше, – отреагировала мама. – Привезу ей оливкового масла».

9. Нам крышка

Сестра Ж. задержалась в Нехорошей квартире до конца августа. Правда, переехала из моей спальни в свою – первую комнату с правой стороны. Там стояло большое раскладное кресло, накрытое пледом, и висело игрушечное ружье.

– Считай, что я консьержка или охранник, – говорила Жозефина. – И если к тебе вломятся вооруженные грабители, я их встречу с ружьем и задержу, а ты сбежишь через Белую лестницу.

Я рассказала ей о Белой лестнице, и вообще много о чем рассказала. Не стала только говорить, как сильно меня обычно смущают и стесняют посторонние в доме. Тем более что Жозефина оказалась на редкость спокойным и почти незаметным гостем. Уезжала на работу рано, возвращалась поздно, из ружья не стреляла, привозила с собой что-нибудь вкусное и обязательный набор из молока-хлеба-яиц, мылась быстро и бесшумно, сериалы смотрела в хороших звукоизолируемых наушниках.

Мы привыкли вместе ужинать, хотя она на этом не настаивала – просто жарила какой-нибудь шикарный стейк из лосося или свежую вырезку, красиво посыпала тарелку кудрявой зеленой травой и предлагала мне угоститься. За ужином мы болтали и постоянно смеялись, пусть темы для разговоров веселыми вовсе не были. Я, например, рассказывала о

том, как бесцельно хожу по беседам и как Вениамин не берет трубку.

– Странно это, – повторяла я. – Почему он так себя ведет? Я его просто не узнаю. А человек ведь жил со мной семь лет.

– Так теперь он живет не с тобой, – пожимала плечами сестра Ж. – Есть такие люди – как съемные диски. Что в них загрузишь с большого компьютера, то и воспроизводят. Теперь его большой компьютер – Катерина.

– А как же Кузя? «Бывший муж» – есть такое понятие, но «бывший отец»...

– Кузю он воспринимает как часть тебя и своей старой жизни. И дело не в тебе и не в ребенке, а в примитивном устройстве Вениамина. Я такого навидалась – во! – Сестра Ж. провела рукой у горла. – С одним товарищем даже рассталась из-за того, что он не общался со своей дочерью.

– У тебя детская травма? Из-за твоего папы и моей мамы?

– У меня взрослые понятия о порядочности, и все. Тот мужчина ушел от жены ко мне. И я ему два года напоминала, когда у дочки день рождения, а когда Новый год, и подарки ей покупала. А он даже на выходные ее ни разу к нам не взял, только ездил периодически туда, обедал и уезжал. *Обедал!* И устраивал каждый раз при ребенке скандал, а потом мне говорил, что бывшая жена стерва. В общем, постепенно я поняла, что становлюсь фанатом его жены, а его самого совсем не уважаю. К тому же выяснилось, что с женой он не только обедал... Вернулся он к ней, короче. Я тогда хотела в клини-

ке неврозов полежать. Говорят, в Соловьевке хорошо, тихо. А вместо этого пошла на курсы сальсы и встретила Дарью.

– Не захотела больше иметь дело с мужиками?

– Подсознательно, наверное, да. Или это боженька так пошутил.

– А с Дарьей ты была счастлива?

– Минут десять. Потом начались истерики, вечный контроль, звонки на работу, проверки, точно ли я там, скандалы на два часа, примирения на три. Однажды она во время ссоры симитировала сердечный приступ и торжественно уехала на скорой в больницу. Потом поставила на мой ноутбук программу слежения, прочитала всю мою почту от и до, орала: «Кто этот Д., с которым ты ездила в апреле в Париж?» А я с ней туда ездила, она забыла даже. Я убеждала, оправдывалась, урезонивала, а потом мне надоело, и я уехала. Она до сих пор думает, что к какому-то Д. Ну и пусть.

– Она и меня явно в чем-то подозревает. И мечтает с тобой воссоединиться.

– А я знаешь о чем мечтаю? – улыбнулась сестра Ж. – Прийти домой – и чтобы там никого. Вообще!

– Ну я тогда пойду, – засмеялась я.

Но ушла Жозефина – в тот день, когда приехали мама с Кузей. Дарья позвонила и холодным официальным голосом сообщила, что они с кошкой освободили жилплощадь (да, так и сказала). Сестра Ж. собрала свои офисные костюмы обратно в чемодан, напекла на прощание творожных кон-

вертиков и уехала. Я не успела расстроиться и соскучиться, потому что вернулся загорелый Кузя, стал бурно радоваться вновь обретенному коалке Жоре и дарить мне купленные на Кипре магниты.

– На бешеном холодильнике как раз ни одного магнетика! – деловито распоряжался Кузя, вешал на дверцу кипрских осликов и окружал их маленькими амфорами, корабликами и корзинами с ракушками. Холодильник был благодарен и даже, казалось, трясся более деликатно, чем обычно.

Потом мы с Кузей и мамой наскоро попили чай с творожными конвертиками и мама уехала в Белогорск на моем Бегемоте, которого Жозефина наконец-то перегнала от уркиного подъезда к нашему.

– От тети Ж. много пользы! – сделал вывод Кузя и попытал коалке Жоре в морду печеньем.

– Да, – согласилась я. – И скоро она приедет в гости.

Я угадала: сестра Ж. приехала той же ночью. Грязная, мокрая и без предупреждения.

– Там дождь, что ли? – спросила я, пропуская ее в прихожую.

– Скорее потоп.

– Странно, я не слышала шума воды. Локальный потоп в Бутово?

– Еще локальнее – в квартире. Дарья открутила в ванной и на кухне краны, открыла воду и ушла. Залила два этажа. Оторвала и унесла крышку от стиральной машины. А, и замок

поменяла еще на прощание, пришлось слесаря вызывать. Я три часа воду собирала под крики соседей. Стояла по колено в воде и уронила туда телефон.

– Господи!

– Да, видимо, Дарья возомнила себя Богом. Ветхозаветным.

– Ей срочно нужен Иисус. Только он боженьку умеет успокаивать. Она не хочет вступить в какую-нибудь секту?

– Она хочет, чтобы я сдохла. Во всяком случае, на стене написала именно это.

– Не пожалела собственные обои? Маленькая, а какая эффективная. Очень красивая история.

Пока сестра Ж. переодевалась, я варила пельмени – помнила, что они ее успокаивают. Кузя спал, не проснулся ни от звонка в дверь, ни от гремящих кастрюль. Я вылавливала последний пельмешек из воды, когда вдруг громко зазвонил мой телефон. Кто это в такую ночь? И почему я звук не выключила, балда, теперь точно Кузю разбужу. Батюшки, Вениамин! Все-таки вспомнил, что ребенок приезжает – я аккуратно сообщала ему в монологах обо всех Кузиных передвижениях и событиях в жизни, надеясь на внезапное пробуждение совести или отцовских чувств. И дождалась все-таки, ура!

– Привет, я подал на развод, – проговорил Вениамин быстро.

– Спасибо, – почему-то ответила я.

– Извещение уже два раза приходило на мой адрес, потому что ты тут прописана. Тебе надо его получить, – тут я услышала в трубке какую-то возню и шепот. – И да, еще надо, чтобы ты выписалась из квартиры. Лучше все сделать в один день. Развод шестого октября у мирового судьи на Первомайской, ты придешь?

– Не знаю, – сказала я честно. – Я так далеко ничего не планирую.

– Ну естественно, – упрекнул Вениамин. – Так я и думал. Не хочешь по-хорошему – будет по-плохому!

– Погоди, у меня действительно нет планов на октябрь. Но могу и развестись, почему нет. Извещение когда забрать?

– Первого сентября же поведешь ребенка в школу? Вот и зайди, я рядом живу вообще-то.

– То есть ты помнишь о существовании ребенка? – спросила я срывающимся голосом. Но Вениамин, по самые уши загруженный информацией с большого компьютера серии «Катерина», уже положил трубку.

Бедный Кузя. Как же больно. Боль за других, особенно маленьких, – самая сильная на свете. Кузя привез Вениамину магнитик с домиком. И был уверен, что папа придет первого сентября снимать его школьную линейку на камеру. Спрашивал, надо нам покупать учительнице букет или папа принесет... Невыносимо.

На кухне появилась сестра Ж. в халате.

– О-о-окей. Так нечестно, – она отняла у меня тарелку

с пельменями, в которую я роняла крупные злые слезы. – Второй потоп за день!

– Плохой день, – объяснила я. – День, когда заканчиваются все отношения.

– Все *плохие* отношения, – поправила Жозефина.

– Хороших только нет. И работы нет. И друзей. И даже соевого соуса к пельменям.

– Скоро первое сентября. Новый сезон, новая жизнь. Все будет лучше, вот увидишь.

Я была уверена только в соевом соусе – в том, что его, в отличие от работ и отношений, когда-нибудь найду. Но решила не спорить с Жозефиной, пережившей настоящий потоп.

– Я одного не понимаю, – сказала я. – Зачем Дарье крышка от стиральной машины?

– Маленьким женщинам – большие сувениры, – заявила сестра Ж., мастер слоганов, и отложила мне на отдельную тарелку пять антистресс-пельменей.

10. Деточка на шаре

Тридцатого августа в Кузиной школе были сборы. Там мне сообщили, что прекрасная учительница Елена Ивановна, ради которой мы и записали шестилетнего ребенка в первый класс, уволилась и решила вместо первоклассников воспитывать внучку. А Кузиному 1-му «В» выдали нового классного руководителя – Аэлиту Константиновну. Большая, громоздкая, в фиолетовом платье с бантом, она обладала голосом в четыре октавы и всячески использовала этот дар – то басила, желая придать своим словам веса, то переходила на сверхвысокий регистр, выражая незыблемую любовь к детям. «Мои птенчики» – так она назвала свой предыдущий класс, окончивший начальную школу.

Родители одобрительно зашумели, когда Аэлита Константиновна сказала, что с первого класса расслабляться нельзя и новым птенчикам сразу будут, пусть и неофициально, выставлять оценки. «Синей ручкой», – успокоила она особо впечатлительных.

– Как говорится, ЕГЭ на носу, а нос еще сопливый, – скаламбурила учительница и высоко захихикала.

Мамам и двум присутствующим папам Аэлита Константиновна явно понравилась. Они позадавали немного дополнительных вопросов («С какого класса нанимать репетитора по математике?», «Сколько точилок давать с собой в шко-

лу?»), «Можно ли синий кардиган заменить на голубой свитерок?»), получили простые, как карандаши, ответы и разошлись. А я крепко задумалась. Вспомнила, что однажды видела Аэлиту Константиновну в действии. Мы с Кузей шли тогда из сада, а она гуляла со своим классом во дворе. Я запомнила ее фиолетовое платье с бантом. Дети вместе с учительницей сформировали большой круг, и я сначала подумала, что они играют. Но в центре круга стоял мальчик – красный, растрепанный и почти плачущий. А Аэлита Константиновна вещала: «Сейчас, птенчики, каждый из вас может сказать Глебу, что о нем думает».

– Ты debil, – сказал один из одноклассников, и остальные обрадованно поддержали его хохотом. Высокий смех Аэлиты Константиновны был хорошо различим в дружном хоре.

– Так, кто желает высказаться *по делу*? – подмигнула ребятам учительница.

– Глеб плохо себя ведет, играет на уроке в планшет и заслуживает бойкота! – оттараторила худосочная белесая девочка, явно отличница.

– Он забыл сменку и не выучил стих, – подсказала круглолицая брюнетка в розовой кофте, с обожанием посматривая на учительницу.

– Он просто тупо-ой! – снова закричал первый обвинитель – и опять раскаты смеха.

Мальчик в центре круга съежился, красное лицо пошло белыми пятнами, а одноклассники продолжали его расстре-

ливать.

Я тогда хотела как-то ему помочь, отозвать Аэлиту в сторону и поговорить с ней, отрезвить, но, как обычно, испугалась конфликта. Решила, что силы неравны. Только сказала Кузе, что учительница не права. Перед мальчиком Глебом мне стыдно до сих пор.

А теперь Аэлита Константиновна будет классным руководителем у моего ребенка и однажды поставит его в круг позора. Вселенная мстит даже лучше Дарьи.

Я ехала домой и лихорадочно пыталась что-то придумать. Кузя еще маленький, ему трудно рано вставать, школа теперь далеко от дома, и дорога каждое утро будет занимать почти час. Приезжаешь, а там Аэлита Константиновна с бантом...

– Нам срочно нужна новая школа, – выпалила я с порога сестре Ж., которая приглядывала за Кузей, пока я ездила на сборы.

– Во дворе есть одна, – сразу придумала Жозефина вместо того, чтобы ахать и выспрашивать, что произошло. – Между твоим домом и домом-церковью.

– Посиди с Кузей еще час, пожалуйста, я сбегаю в ту школу и попробую выловить завуча.

– Я никак не могу, в Бутово надо ехать, мастера вызвала, – расстроилась сестра Ж. Она решила сдать затопленную квартиру, а себе снять с доплатой, но поближе к работе и без следов Дарьи. – А иди сразу с Кузей. Он крутой, любой завуч от него будет в восторге.

Я не верила во впечатлительность неведомого завуча и не знала, как объявить Кузе, что его мир продолжает рушиться и со школой, похоже, тоже ничего не выйдет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.